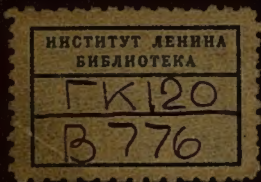
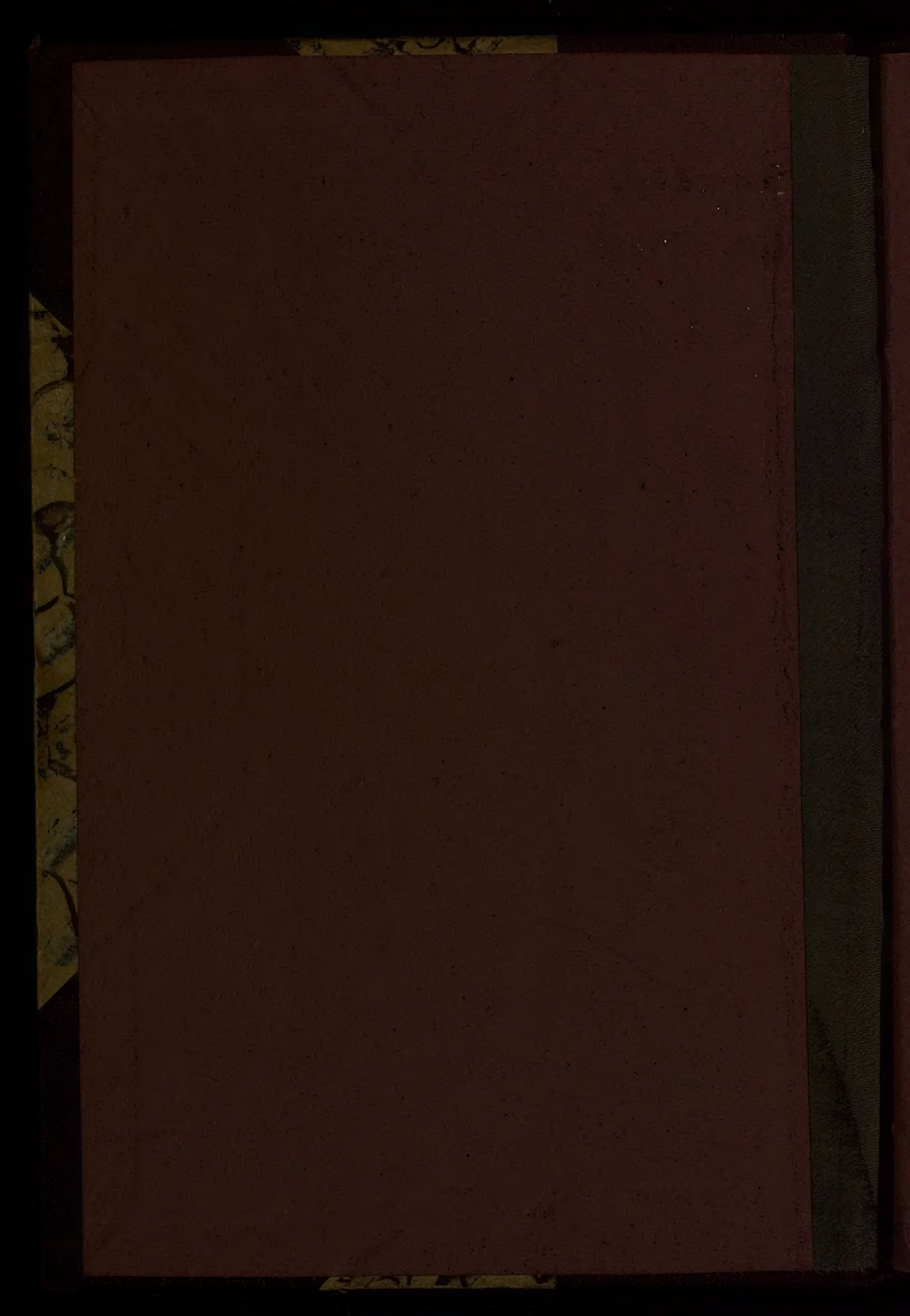
Волковичер

Брестский мир

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

ГК120
В776

И. ВОЛКОВИЧЕР

БРЕСТСКИЙ МИР

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

СЕРИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ОЧЕРКОВ

И. ВОЛКОВИЧЕР

БРЕСТСКИЙ МИР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

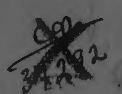
ГК120
В776 Р

297866

Отпечатано в типографии Госиздата
„Красный пролетарий". Москва,
Пименовская улица, д. 16.
Главлит № А—14320.
Тираж 4000 экз.
Гиз № 26101.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЫХОД ИЗ НЕЕ РОССИИ.

Буржуазия. В империалистической войне 1914—18 гг. Россия принимала участие в качестве союзника англо-французского капитала. Эта война, приведшая страну к полному разорению еще при царизме, продолжалась и после свержения его, когда у власти стала буржуазия с ее так называемым Временным правительством во главе.

«Война до победного конца»—таков был лозунг нашей «отечественной» буржуазии и до и после Февральской революции. Это и понятно. Организовать победоносный исход войны, затянуть войну еще на ряд лет,—это означало для буржуазии сохранить для себя те баснословно высокие прибыли, которые давала ей «военная» промышленность. С другой стороны, наша «отечественная» буржуазия, оказавшаяся в полнейшей зависимости от англо-французского капитала, волей-неволей вынуждена была «обеспечить поддержку союзников». Правительства союзников нажимали на Временное правительство, настойчиво требовали, чтобы Россия «рассеяла опасения относительно силы ее сопротивления и возможности для нее продолжать войну». Словом, «отечественная» буржуазия не могла не призывать к войне «до победы».

Но был еще ряд причин, делавших невозможным для буржуазии скорейшее заключение мира. Они коренились в области классовых противоречий внутри страны.

Причины эти, если формулировать их в общем виде,—боязнь развязать силы революции. А смертельную для себя опасность, которая таилась в этих силах, буржуазия подметила уже в самом начале Февральской революции. В деле «укрощения» рабочих в обстановке военного времени представлялось возможным прикрываться рассуждениями на тему о работе «на оборону». Многомиллионную армию солдат, т. е. крестьян, кое-как сдерживали в тисках воинской дисциплины. Ликвидация же войны в условиях развивающейся революции 1917 г. неизбежно должна была привести к немедленному разрешению всех вопросов, выдвинутых революцией.

И отечественная буржуазия, естественно, делала все для продолжения войны.

Меньшевики и эсеры на службе у буржуазии

Здесь прекрасную службу сослужила мелкая буржуазия, вернее, партии мелкой буржуазии—эсеры и меньшевики. Для мелкобуржуазных партий, революционный выход из войны был так же невозможен, как и для буржуазии. В самом деле, вести активную политику мира, т. е. настаивать на разрыве с «союзниками», это значило рвать со «своей» буржуазией. Это значило нарушать «гражданский мир». Это тактически значило принять большевистский лозунг: превращения империалистической войны в войну гражданскую. Такой путь пугал их не меньше, чем капиталистов. Но, с другой стороны, отказаться от мирной политики означало итти на разрыв с широкими массами рабочих и крестьян, которым были чужды завоевательные цели войны. И мелкобуржуазные партии стараются создать

иллюзии «справедливого» мира, который будто бы, удастся заключить в условиях гражданского мира, при сохранении власти буржуазии, в согласии с Временным правительством и правительствами союзнических стран. С усердием, достойным лучшего применения, проводилась эта «мирная» политика, в которой невинные, добренькие пожелания мелкого буржуа сочетались с систематическим обманом масс в интересах буржуазии. Огромное количество статей в оборонческих и полуоборонческих газетах и журналах 1917 г., наполненных сладенькими *фразами* о будущем справедливом, демократическом мире, вместе с бесчисленными резолюциями, воззваниями, манифестами и пр. должны были, по замыслу их авторов, служить отдушиной для напирающей со всех сторон стихии *тяги к миру*.

В продолжение первых недель и даже месяцев Февральской революции эти *рассуждения* о «справедливом» мире достигали своей цели: массы, по неопытности, верили мелкобуржуазным «социалистам», не разобравшись еще в истинном смысле звонких, но пустых фраз, на деле благословляющих грабительскую войну и отдающих трудовые массы в жертву буржуазии. Но время шло, и факты доказывали полную беспомощность меньшевиков и эсеров во всех коренных вопросах революции и прямое пособничество их буржуазии. Становилось ясным, что возможен только *революционный* выход из войны, т. е. путь разрыва с буржуазией. И массы все больше поворачивали от соглашателей к большевикам.

Этот поворот от оборонческой и соглашательской тактики к решительной, революционной совершался в течение многих месяцев, предшествовавших Октябрьской революции. Живая действительность, политические события в стране на каждом шагу давали убе-

дительные уроки рабочим и крестьянам. Время керенщины, господства буржуазии и перешедших на ее сторону меньшевиков и эсеров окончательно убедило широкие трудовые массы в том, что единственный выход из тягчайшего политического и экономического кризиса есть восстание против буржуазии, переход всей власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства.

Однако, это отрезвление, эта способность распознавать своих врагов и друзей, это умение извлечь практические уроки из текущих событий—всем этим массы сравнительно быстро овладели только благодаря кропотливой, неустанной, систематической работе единственной революционной партии пролетариата, партии большевиков.

Большевики разоблачали мелкобуржуазные партии—их половинчатость, их противоречивость, их соглашательство и их измену. Но большевики вместе с тем и указывали массам, какие задачи стоят перед ними и как осуществить их.

Пролетариат и его партия—большевики.

Большевики с самого начала войны в оценке ее исходили из ее империалистического характера. Ответственность за войну они возлагали на империалистов всех воюющих стран, в том числе и на отечественную буржуазию. Упомянутый уже нами лозунг превращения империалистической войны в гражданскую означал революционный выход из войны путем перехода власти в руки пролетариата. Программа мира, как ее мыслила партия большевиков во главе с В. И. Лениным, в весьма четкой формулировке дана была большевиками еще в 1915 г. и сводилась к следующему: немедленное предложение мира «всем воюющим при условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов». Иными словами,—это мир без ан-

нексий и контрибуций на началах самоопределения наций. Наряду с предложением мира мыслилось также немедленное опубликование и расторжение тайных договоров. Однако такая программа мира связывалась с переходом государственной власти к пролетариату. До наступления же момента свержения власти буржуазии тактика большевистской партии в вопросе о мире была подчинена одной задаче—разоблачению империалистического характера войны и преодолению «революционного оборончества».

Разоблачая империалистический характер войны, большевики уже в начале Февральской революции резко выступили против Временного правительства и против тактики меньшевиков и эсеров, поддерживавших это правительство. Война «и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства» [1]. Так писал Ленин. И, конечно, только меньшевистско-эсеровские путаники могли договориться до такой глупости, что с выходом, например, Милюкова из состава Временного правительства и замены его Терещенко, меняется характер этого правительства. Отсюда тактика мелкобуржуазных партий—давить на это правительство, заставить его приблизить дело мира. «Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир, — писал В. И. Ленин,—все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели». «Разговоры о мире, обращение к буржуазным правительствам, оказываются на деле обманом народа» [2].

В соответствии с этой позицией в вопросе о войне

[1] Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 48.
[2] Там же, т. XX, ч. II, стр. 78 и 80.

партия большевиков резко отрицательно отнеслась к предложению датского социал-оппортуниста Боргбьерга организовать в Стокгольме летом 1917 г. конференцию социалистов для поддержания мира. Никакого сомнения не было в том, что за спиной инициатора конференции стояли немецкие социал-патриоты, косвенные или даже прямые агенты империалистического правительства Германии. Всероссийская конференция большевистской партии в апреле 1917 г. вынесла специальное мотивированное постановление по этому вопросу. В нем, между прочим, говорится, что «участие нашей партии на конференции, где участвуют Боргбьерг и Шейдеман, конференция считает принципиально недопустимым, ибо наша задача—объединять не прямых или косвенных агентов различных империалистических правительств, а рабочих всех стран, революционно борющихся уже во время войны со своими империалистическими правительствами» [1].

Правда, нашлись тогда отдельные партийные работники, как, например, Каменев, которые признавали необходимым участие большевиков на этой конференции, но они получили достойную отповедь от В. И. Ленина. «Не революционное знамя,—писал В. И. Ленин, разбирая оппортунистические «доводы» Каменева,—а знамя сделок, соглашений, амнистии социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий,—вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом» [2].

Наряду с этой подлинно-революционной борьбой против империализма, его правительства и всех прямых и косвенных агентов его, партия придавала огромное революционизирующее значение делу б р а т а н и я на

[1] Петроградская всеросс. и общегор. конфер. РСДРП (б) в апреле 1917 г., „Истпарт“, ГИЗ, стр. 161.

[2] Л е н и н, собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 57.

фронте. На апрельской конференции 1917 г. в резолюции о войне по этому поводу говорится: «В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте, стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата» [1].

Это братание, начавшееся в виде единичных случаев еще до революции, к осени 1917 г. стало обычным явлением на всех многочисленных фронтах и внесло огромную лепту в великое революционное дело—разложения старой, обслуживавшей империалистические коалиции армии. Огромное влияние на большевизацию армии в России оказала большевистская печать: газета ЦК большевистской партии «Правда» (со всеми ее различными наименованиями: «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь»), московская большевистская газета «Социал-демократ», местные газеты, фронтовая газета «Окопная правда», брошюры Ленина и других большевистских работников, листовки и пр. Конечно, керенщина принимала все возможные меры против проникновения этой революционной литературы на фронт, в окопы. Но... объективные предпосылки разложения старой армии и ее большевизации имелись налицо. И как бы ни были «грозны» меры борьбы против надвигавшейся новой революции—Октябрьской,—они своей цели не достигали. Большевистской, подлинно революционной борьбе за мир, за землю, за социализм—нечего было противопоставить.

---

[1] Петроградская всеросс. и общегор. конфер., стр. 157.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПЕРВЫЕ МИРНЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Декрет о мире и Декларация прав народов.

7 ноября [1] 1917 г. власть буржуазии и ее мелкобуржуазных прислужников была свергнута вооруженным восстанием рабочих, руководимых партией большевиков. Установившаяся диктатура пролетариата тем самым означала полный отказ России от участия в империалистической войне, отказ от какой бы то ни было захватнической политики. Проблема решительной борьбы за мир из перспективы, намеченной партией большевиков еще в 1915 г. и резко противопоставлявшейся «мирной» словесности социал-соглашателей до Октября, стала первоочередным вопросом практической политики победившего пролетариата.

И, действительно, на другой день после восстания, 8 ноября, советское правительство в специально принятом «Декрете о мире», написанном В. И. Лениным, объявило дальнейшее продолжение войны «величайшим преступлением против человечества». Этот декрет предлагал «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире». Справедливым или демократическим ми-

[1] Все даты приводятся по новому стилю.

ром,—разъяснялось в декрете,—«правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций».

Со своей стороны советское правительство тем же декретом отменяло тайную дипломатию, выражало твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров. Чтобы изложить перед читателем содержание «Декрета о мире» во всех его существенных чертах, нужно добавить, что в нем имелось заявление о том, что правительство «отнюдь не считает вышеуказанные условия мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира». Это заявление диктовалось соображениями сделать невозможным возражение со стороны воюющих государств, будто они не могут вступить в переговоры о мире из-за нашей непримиримости. Декрет заканчивался специальным обращением «к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств—Англии, Франции и Германии»,—выражая надежду, что они помогут нам успешно довести до конца дело мира.

В тесной связи с этим актом всемирно-исторического значения находится и опубликованная 15 ноября «Декларация прав народов России», провозглашавшая «право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Мало того, в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» советское правительство отказывалось от раздела Персии и Турции и призывало народы Востока к восстанию против империализма.

Трудно переоценить значение упомянутых документов. Впервые в мировой истории государственной вла-

стью установлены были принципы, на основе которых могли быть разрешены **мирным путем** спорные вопросы, всегда приводившие к войне. Что же касается признания права народов самим решать свою судьбу, то здесь оно впервые из отвлеченной формулы превратилось в реальный факт.

Практические мероприятия.

Вслед за этими актами со стороны новой власти последовали мероприятия практического свойства. 20 ноября Совет народных комиссаров предписал исполнявшему обязанности главнокомандующего русскими армиями, генералу Духонину, немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам.

Одновременно такое предложение о перемирии было передано всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде и послам нейтральных держав с предложением воздействовать на воюющие страны.

Спустя два дня Ленин, Сталин и Крыленко, специально уполномоченные Совнаркомом, вели переговоры по прямому проводу с Духониным о причинах его промедления в выполнении требования правительства. В конце концов Духонин отказался подчиниться этому распоряжению. Ответ его гласил: «Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противника, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность для достижения результатов». Если расшифровать эту слегка замаскированную фразу, то смысл ее будет тот, что вести переговоры с немцами от имени **большевиков** он не находит возможным. В частных беседах он так и указывал, что он вовсе не противник немедленных переговоров о мире и с кем угодно и от какого угодно правительства, но только не от имени

большевиков[1]. Духонин был смещен за неповиновение, и новым главнокомандующим был назначен т. Крыленко.

Извещая обо всем этом все солдатские массы по радио, правительство обратилось к ним через голову контрреволюционного генералитета с призывом выбрать уполномоченных для формального вступления в переговоры с неприятелем о перемирии. Однако право подписания окончательного договора о перемирии оставлено было только за Совнаркомом.

Спустя некоторое время советское правительство вновь обратилось к представителям союзников с предложением начать переговоры о перемирии и мире. Вместо ответа, или, вернее, в ответ на это предложение, военные представители союзников при ставке русской армии решились на протест, сопровождавшийся угрозами, причем—что особенно характерно—протест был обращен к смещенному правительством генералу Духонину.

Не получив таким образом согласия союзников на свои настойчивые предложения о мирных переговорах, советское правительство сочло себя вынужденным обратиться к немецкому командованию с предложением немедленно приступить к переговорам.

Германское командование ответило согласием. 1 декабря 1917 г. делегация ЦИК'а советов в составе: А. А. Иоффе, Л. Б. Каменева, Г. Я. Сокольникова, А. А. Биценко, С. Д. Мстиславского, Л. М. Карахана, Ф. В. Олича (матрос), Н. К. Белякова (солдат), Р. И. Сташкова (крестьянин) и П. А. Обухова (рабочий)—выехали на фронт для ведения переговоров о перемирии с представителями германского блока.

---

[1] М. Покровский, Историческое значение Октябрьской революции. „Комм. рев.", № 20, стр. 6.

Такое положение дел—сепаратные переговоры с германским блоком—создалось исключительно по вине союзников, игнорировавших неоднократные советские предложения о мирных переговорах. Тем не менее открытие переговоров о перемирии и мире с немцами вовсе не исключало возможности для союзников присоединиться к переговорам в любое время. И, как увидим дальше, советская делегация, руководствуясь полученными ею при отъезде директивами, сделала все, чтобы облегчить и ускорить возможность присоединения союзников. Но, как известно, правительства союзных государств все же не примкнули ни к переговорам о перемирии, ни к переговорам о мире, а народы этих стран все еще продолжали оставаться во власти империалистической буржуазии.

Советской же России требовалось заключение мира во что бы то ни стало. Это диктовалось двумя решающими обстоятельствами. Во-первых, старая армия устала, она рвалась домой, а другой, новой армии еще не было. Во-вторых, уже после первых дней победы над отечественной буржуазией встали гигантские задачи по укреплению Советской республики и переустройству ее на социалистических началах. Оба эти обстоятельства властно требовали мира, чтобы тем самым развязать руки для предстоявшей колоссальной работы. Если мира всеобщего еще нельзя было достичь, то требовалось заключить хотя бы с е п а р а т н ы й мир. Такой мир нейтрализовал бы, т. е. обезопасил бы Советскую республику от посягательств на революцию хотя бы со стороны одной части мирового империализма—германского.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЕРМАНСКАЯ КОАЛИЦИЯ И АНТАНТА В ВОПРОСЕ О МИРЕ

Германия и ее союзники.

Положение Германии по мере затягивания войны становилось все более затруднительным. Несмотря на «гениально организованный» там голод, продовольственные ресурсы иссякали.

Еще в большей степени эти продовольственные затруднения испытывали союзники Германии—Австро-Венгрия, Турция и Болгария. Наряду с продовольственным кризисом остро стоял вопрос о военной силе. Эти обстоятельства вели к тому, что стремление к миру хотя бы с одной из враждебных стран было очень сильно как в самой Германии, так и во всех странах четверного союза. Такое стремление больше всего направлялось в сторону Востока, т. е. прежде всего—России. Вопрос для Германии заключался в том, чтобы 1) путем мира с Россией смягчить, если не разрешить, продовольственный кризис в Австро-Венгрии и Турции и тем самым удержать их от сепаратного мира, 2) с ликвидацией Восточного фронта перебросить войска для решительного удара на Западе. Эти соображения принуждали центральные державы к неоднократным попыткам договориться с Россией. Известны, например, посредничество фрейлины Васильчиковой в 1915 г.,

переговоры заводчика Стиннеса с японским послом в Стокгольме о мире с Россией и Японией, переговоры германского агента Варбурга с Протопоповым—в 1916 г. Такую же попытку заключения сепаратного мира представляло личное письмо принца Макса Баденского, адресованное Николаю II, впрочем, подоспевшее как раз ко дню свержения Романовых. Надо добавить к тому же, что попытки центральных держав завязать мирные переговоры с Антантой тоже неоднократно имели место. Особенно характерны попытки этого рода в декабре 1916 г., летом 1917 г.—через Гаагу, посредничество римского папы—в конце лета того же года, наконец, многочисленные попытки в начале 1918 г. И если все эти попытки договориться с Антантой не увенчались успехом, то тенденции к сепаратному миру с Россией и надежды на успешное достижение его у правящих кругов Германии были весьма велики. «Надо... во что бы то ни стало постараться заключить сепаратный мир с Россией»,—так писал германский кронпринц Вильгельму II, летом 1917 г.

Однако по вопросу о скорейшем заключении мира с Россией в правящих кругах Германии существовали две точки зрения. Первая из них сводилась к требованию полного разгрома военных сил России. Сторонниками такой ликвидации Восточного фронта являлись преимущественно представители тяжелой индустрии, химической промышленности и, конечно, юнкерство с генералом Людендорфом во главе. Конечно, в значительной мере эти круги руководствовались тем, что видели разложение русского фронта и собирались использовать это обстоятельство в наибольшей мере. Этот стратегический план довольно откровенно изложен самим Людендорфом в его довольно известных теперь

мемуарах. «Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый Восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. Дальнейшее развитие операций на Востоке не имелось в виду на ближайшее время. На Украине надо было подавлять большевизм и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были сильно углубиться в страну: другого выхода для нас не оставалось». В этих словах, в сущности, приведена устами фактического главы военного командования немцев «вся программа Брестского мира, как он был заключен»,—как правильно отметил М. Н. Покровский.

Другую точку зрения или другое течение представляли представители легкой индустрии. Мир с Россией для этих кругов означал прежде всего восстановление совершенно прекратившегося за время войны вывоза, а также и ввоза. Это довольно ярко отразилось на ходе мирных переговоров в Бресте и, между прочим, в том, что на одном из первых заседаний мирной конференции, Кюльман поспешил выдвинуть вопрос о восстановлении товарообмена и торговых договоров с Россией. А Кюльман, тогдашний статс-секретарь по иностранным делам Германии, и возглавлял это течение. Стремясь к скорейшему заключению такого, по сути дела империалистического, мира, эта группа промышленников считала более целесообразным придать ему видимость не разгрома, а напротив—«дружественного» мира. Когда начались переговоры в Бресте, обе эти группы вырисовались довольно ясно.

2978266

Второму, умеренному течению и досталась победа в первый период переговоров. Посмотрим теперь, как обстояло дело у союзников, т. е. у Антанты [1].

Антанта. Весной 1917 г. к союзникам примкнули Сев.-американские соединенные штаты. Выступление этой богатейшей державы на стороне союзников обычно связывают с переходом Германии в январе 1917 г. к неограниченной подводной войне. В начале января 1917 г. в германской главной квартире было принято решение—начать беспощадную подводную войну. Вопрос этот служил предметом ожесточенных споров в руководящих кругах Германии еще с осени 1914 г. Однако теперь вопрос был решен в духе ярого защитника его, адмирала Тирпитца, как последнее средство взять Англию измором прежде, чем выступят Соед. штаты. Что рано или поздно Соед. штаты ввяжутся в войну и выступят на стороне союзников,—это можно было предвидеть. И дело тут не только в переходе Германии к неограниченной подводной войне, которая, конечно, в известной мере затрогивала интересы внешней торговли Соед. штатов. Дело в тех колоссальных займах, которыми все воевавшие против Германии государства снабжались Соед. штатами. «Как банкиру и как кредитору,—говорится в заявлении председателя Совета банков Соед. штатов от 22 марта 1917 г.,—Соед. штатам необходимо получить место за столом на мирной конференции и оказаться в более выгодной позиции, сопротивляться всяким предложениям отвергнуть долги, так как следует помнить, что мы вынуждены будем с палками в руках заступиться

[1] Тройственный Союз Англии, Франции и России, к которому во время войны примкнули: Бельгия, Сербия, Италия, Румыния, Япония, Соединенные штаты и другие страны.

за всякого гражданина, владеющего обязательствами»[1]. Но для этой цели Соед. штатам незачем было спешить. Они, надо полагать, и весною 1917 г. продолжали бы оставаться на положении «вооруженного нейтралитета», если бы не события в России.

Предвидели ли «деловые» американцы, что начавшаяся с свержения царизма революция в ближайшие месяцы приведет к свержению буржуазии, или не предвидели еще этого,—одно все же уже тогда, в первые недели Февральской революции, для них было ясно: на Россию как воюющую союзницу рассчитывать больше не приходится. Теперь нужно было поспешить на помощь союзникам,—и Соед. штаты, прервавшие дипломатические отношения с Германией еще в начале февраля 1917 г., формально объявили войну лишь в апреле. Но реальная боевая помощь из Америки могла подоспеть на континент Европы спустя много месяцев, собственно говоря, даже не ранее как через год. Отсюда перед союзниками встала задача—продержаться до той поры, пока эта помощь подоспеет. Для этой цели им нужно было во что бы то ни стало сохранить Восточный, русский, фронт. Союзники нажимали поэтому на Временное правительство, чтобы всеми мерами поддерживать состояние войны на русском фронте. И Временное правительство старалось. Керенский повел армию в наступление. «Наше наступление,—писал он Ллойд Джорджу позднее, незадолго до Октябрьской революции,—несмотря на успех в начале, кончилось неудачей. Тем не менее, его главная цель—положить конец состоянию перемирия и возобновить войну—должна рассматриваться, как достигнутая ценою великих жертв».

---

[1] Цитировано по статье А. Ерусалимского, в журн. „Мировое хозяйство и мировая политика", 1927, № 9—10.

Поэтому союзники и возились с Керенским: Когда они разочаровались и в Керенском, то на его место выдвинули генерала Корнилова. Но и с Корниловым дело не вышло. Тогда американский капитализм, «более склонный» к «экономическому давлению», чем к военным заговорам, взял эсеровскую верхушку прямо на жалование, притом, что особенно пикантно, и любопытно, на частное жалование, на личный кошт одного американского миллионера» [1]. Союзникам до крайности нужно было сохранить русский фронт.

Когда начались брестские переговоры, союзники не расстались еще с надеждой втянуть Россию в войну. С этой целью они все чаще и настойчивее стали обращаться к представителям советского правительства с предложением отказаться от заключения мира. Взамен этого они сулили большевикам всякие блага. Конечно, обращались к большевикам с этими предложениями люди без официального звания, якобы частные лица: ведь официально большевистская власть не была признана союзниками. Среди этих «друзей» России был и английский шпион, Локкарт, и французский монархист, граф де Люберсак, и американец Робинс, в одном лице совмещавший попа, полковника и владельца шахт. К советскому главковерху, т. Крыленко, обращались с предложением выплатить по сто рублей золотом за каждого удержанного на фронте русского солдата, а ведь солдат было несколько миллионов. Обещаны были локомотивы, пулеметы, снаряды, аэропланы, съестные припасы и даже военные техники.

Дело доходило до того, что к моменту созыва IV Съезда советов, которому предстояло ратифициро-

---

[1] М. Покровский, Историческое значение Октябрьской революции, статья в „Комм. рев.", 1927, № 20, стр. 5.

вать Брестский мир, американский президент Вильсон прислал приветствие съезду с «выражением искреннего сочувствия русскому народу».

Все это весьма характерно. Но если понятно, почему союзники всячески добивались сохранения русского фронта против немцев, когда у власти в России стояла буржуазия, то приведенные последние факты могут вызвать недоумение. Неужели, в самом деле, расправу с большевизмом союзники считали для себя делом менее важным, чем борьбу с Германией? Это законное недоумение читателя будет рассеяно, если напомним, что Антанта вдвойне была заитересована в том, чтобы втянуть Советскую Россию в войну. Отвлечение значительной части германо-австрийских сил с западного фронта,—это только одна сторона вопроса. Удалось бы им втянуть в войну Россию,—и она в нужный им момент могла бы быть подвергнута полному военному разгрому, который тем самым привел бы к свержению пролетарской власти. Именно на это надеялись больше всего антантовские «Друзья России». И когда этот коварный план им не удалось осуществить, они сбросили маску и пошли на интервенцию.

В тесной связи с этим лицемерием союзников находится история о том, как правые эсеры и меньшевики чуть ли не внезапно из противников заключения мира превратились в ярых приверженцев его. Мы уже говорили, что военные представители Антанты при русской ставке, вопреки дипломатическим обычаям, обратились к смещенному советским правительством генералу Духонину с протестом против постановления Совнаркома о мирных переговорах.

Этот грубый солдафонский окрик направлен был по адресу большевиков. А рядом с этими официальными запугиваниями шли неофициальные переговоры с лиде-

рами разбитых Октябрьской революцией партий—эсеров и меньшевиков. Смысл всех этих переговоров антантовских агентов с эсеро-меньшевиками, по меткому выражению М. Н. Покровского, вкратце можно выразить так: «что же, вы, дураки, во-время не догадались мир-то заключить? Ведь теперь большевики этим козырем вас без остатка покроют!» В ставке собрались вожди разгромленных партий—Чернов, Гоц и пр.—и приняли решение сформировать «социалистическое» правительство с Черновым в качестве премьера. По фронту уже распространялась прокламация, в которой с беспримерной наглостью указывалось, что большевистская власть-де и служит препятствием к немедленному заключению мира: а вот только правительство с таким достопочтенным председателем, как Чернов, сможет дать действительный мир [1]. Такое скороспелое превращение вчерашних оборонцев в ярых поборников мира произошло не без директив союзников, рассчитывавших, что таким путем им удастся свергнуть большевиков. Но когда вскоре выяснилось, что массы на фронте и в тылу нисколько не приходят в восторг от этакой благодати Черновых и Гоцев, союзники поспешили дать отбой: они, мол, не освобождают Россию от обязательств—Россия должна воевать, а не мириться!

---

[1] См. статьи М. Н. Покровского в „Пролет. револ.", 1927 г. № 10 и в „Красной нови", 1927 г., № 11.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕМИРИИ И МИРЕ.

Борьба за всеобщий мир.

3 декабря 1917 г. в главной квартире германского командующего Восточным фронтом в Брест-Литовске начались переговоры об установлении перемирия. В переговорах, кроме представителей Советской России, участвовали представители Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Советские делегаты в самом начале переговоров огласили декларацию о мире, в интересах которого предлагается перемирие, и предложили эту декларацию положить в основу переговоров. Делегаты противной стороны уклонились от обсуждения выдвинутых вопросов, ссылаясь на свои полномочия, в силу которых они могут обсуждать только военные условия перемирия. Тогда наши делегаты внесли предложение—немедленно обратиться к непредставленным на конференции воюющим государствам и предложить им принять участие в выработке условий перемирия на всех фронтах. От рассмотрения этого предложения делегация германского блока тоже уклонилась, опять-таки ссылаясь на свои полномочия. Советская делегация и на следующем заседании подчеркнула то обстоятельство, что для нее дело идет о перемирии на всех фронтах в целях установления всеобщего мира на началах, провозглашенных Всероссийским съездом сове-

тов. Противная же сторона указала на то, что союзные государства на конференции не представлены, а русские делегаты не уполномочены вести переговоры от имени союзников, поэтому, по ее мнению, речь может итти только о сепаратном перемирии. На это советские делегаты еще раз заявили, что их задачей является привлечение к переговорам всех воюющих стран в целях обеспечения всеобщего мира.

В соответствии с этим настойчивым стремлением советской делегации добиться всеобщего перемирия на всех фронтах ею и был оглашен проект перемирия. Важнейшие пункты этого проекта сводились к следующему: 1) установление длительного срока перемирия (6 месяцев) с тем, чтобы дать возможность собрать мирный конгресс представителей всех воюющих стран; 2) запрещение переброски войск с нашего фронта на фронты союзников; и 3) очищение немцами островов Моонзунда, откуда имелась прямая угроза положению Ленинграда (Петроград). Условия эти, в достаточной мере проникнутые стремлением республики к всеобщему миру, заставили руководителя германской делегации, генерала Гофмана, высказаться в том смысле, что такие требования могли бы быть предъявлены только разгромленной стране. Эти пункты они объявили для себя неприемлемыми. Предложенный ими контрпроект предусматривал перемирие лишь на русском фронте — от Балтийского моря до Черного. Что же касается срока перемирия, то он первоначально был намечен ими в 14 дней, начиная с 8 декабря.

5 декабря советскими делегатами оглашена была декларация о перерыве переговоров сроком на 7 дней, ввиду «обнаружившихся разногласий по отдельным пунктам и различия в характере полномочий делегаций». Подписав временное соглашение о приостановлении

военных действий и о непереброске военных частей, советская делегация выехала в Ленинград.

«Отстаивая в переговорах интересы союзных народов, русское правительство одним из главных условий перемирия поставило непереброску армий с Восточного фронта на Западный. Перемирие не может и не будет содействием одному милитаризму против другого. Но интересы союзных народов могут быть с успехом защищены лишь в той мере, в какой сами союзные народы захотят и сумеют принять участие в переговорах и проявить свою волю к немедленному перемирию и демократическому миру».

Так говорилось в правительственном сообщении о ходе мирных переговоров, опубликованном в тот же день, 5 декабря, в Ленинграде. То же приблизительно говорилось на заседании ВЦИКа, посвященном тому же вопросу. То же, наконец, повторено было и в ноте Наркоминдела, еще раз обращенной к послам союзнических государств. В ней указывалось, что между первым декретом о мире и моментом предстоящего возобновления переговоров прошло свыше месяца. «Этот срок,—говорится в ноте,—представляется даже при нынешних расстроенных средствах международного сообщения совершенно достаточным для того, чтобы дать возможность правительствам союзных стран определить свое отношение к мирным переговорам, т. е. свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о перемирии и мире и, в случае отказа, открыто перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны». Но союзники предпочитали отмалчиваться: ответа не было. И советская делегация выехала в Брест. 15 декабря

подписано перемирие с германским блоком на 28 дней, т. е. до 14 января 1918 г.

Переговоры о мире.

Через неделю, 22 декабря, начались заседания мирной конференции. Советская делегация состояла из следующих лиц: А. А. Иоффе, Л. Б. Каменева, М. Н. Покровского, А. А. Биценко, Карахана, Павловича (консультант) и 4 военных консультантов. Германская делегация возглавлялась фон Кюльманом и имела в своем составе, между прочим, того же генерала Гофмана. Австро-венгерскую делегацию возглавлял министр иностранных дел граф Чернин, болгарскую—министр юстиции Попов, турецкую—великий визирь Талаат-паша.

Исходя из основных принципов Октябрьской революции, советская делегация выдвинула как основу для переговоров следующие положения: 1) Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий. Войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок. 2) Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены. 3) Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума. Этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев. 4) По отношению к территориям, обитаемым несколькими национальностями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоя-

тельность и, при наличии фактической к тому возможности, административную автономию. 5) Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так называемых «военных издержек»; взысканные уже контрибуции подлежат возвращению. Что касается возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны, таковое производится из особого фонда, образованного путем пропорциональных взносов всех воюющих стран. 6) Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3 и 4.

Кроме того, советская делегация предложила считать недопустимым ограничение свободы слабых народов сильными державами, в какой бы форме это ни происходило: экономический бойкот, навязанный торговый договор, морская блокада, и т. п.

Делегации четверного союза не посмели отвергнуть этих принципов. 25 декабря они в ответ на предложения советской делегации присоединились к этим условиям как основе для переговоров. Они заявили, что «согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций». Правда, вслед за этим заявлением ими были сделаны несколько весьма существенных оговорок. Так, например, они подчеркнули, что «предложения русской делегации могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы все причастные к войне державы, без исключения и без оговорок, в определенный срок, обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия».

Что признание Германией и ее союзниками принципов демократического мира было лишь лицемерием с их стороны, это было ясно для нашей делегации. Но все же и это лицемерие было неожиданным. Оно свидетельствовало, что положение Германии весьма тяжелое.

Поскольку противная сторона, хотя бы на словах, согласилась с основными принципами всеобщего справедливого мира, можно было пока на этом остановиться, т. е. переждать, покуда достигнутые результаты переговоров не вызовут откликов со стороны широких масс воюющих стран, в том числе и Антанты. Вот почему советская делегация тотчас же предложила десятидневный перерыв. В заявлении нашей делегации предложение это мотивировалось тем, «чтобы народы, правительства которых не примкнули еще к ведущимся переговорам о всеобщем мире, имели возможность достаточно ознакомиться с устанавливаемыми ныне принципами такового мира».

Но Германия была заинтересована в том, чтобы переговоры не были прерваны. Дело в том, что союзница её, Австро-Венгрия, переживала в то время явный голод. Несмотря на тяжелое положение в своей собственной стране, германское военное управление посылало продовольствие в Вену. И тем не менее, австрийские дипломаты, под давлением масс, настаивали перед своими германскими соратниками на скорейшем заключении мира с Россией, даже ценой наибольших уступок. Вот почему германской делегации нужно было создавать впечатление продолжающихся деловых и успешных переговоров. Поэтому она выдвинула предложение перейти к работам в комиссиях по ряду конкретных вопросов. Так как этого рода вопросы подлежали обсуждению даже и при всеобщих переговорах, то нельзя было возражать против такого предложения. Однако, уже обсуждая конкретные вопросы будущего мирного договора, немцы всячески уклонялись от постановки тех вопросов, при рассмотрении которых им пришлось бы выявить захватнический характер своих притязаний. Так, советская делегация всячески настаивала

на внесении ясности в вопрос об очищении Германией оккупированных ею российских земель. Немцы же, наоборот, стремились к переговорам по вопросам правовым и экономическим. Наконец, 27 декабря удалось поставить на обсуждение территориальные вопросы. И тут-то выяснилось, что толкование, которое немцы дают признанным ими принципам справедливого мира, сводится к прямой аннексии Литвы, Курляндии, Польши и части Латвии. Во избежание упреков в том, что переговоры были прерваны до заслушания всех германских условий, советская делегация продолжала переговоры до получения всего германского проекта договора. Отметив неприемлемость для России германских условий, советская делегация все же не вступала в обсуждение их по существу, а прервала переговоры до 4 января 1918 г.

Еще в самом начале переговоров с немцами советская делегация настаивала на перенесении места переговоров в Стокгольм или какой-либо другой нейтральный пункт. Немцы и их союзники отклоняли это предложение. Переговоры на территории совершенно обособленной крепости, в главной квартире неприятельских армий, под контролем немецких властей, представляли серьезную помеху делу своевременного и правильного осведомления широких масс воюющих стран. Теперь, после того, как выяснился грабительский характер германских требований, советская делегация, еще до возвращения в Брест, возобновила борьбу за перенесение места переговоров в нейтральную страну. Однако немцы категорически отклонили это требование.

На советское предложение присоединиться к переговорам о мире Антанта снова ответила молчанием. Таким образом советской делегации пришлось вести переговоры—уже в решающей стадии—без участия

представителей союзных стран. 9 января возобновились заседания мирной конференции. Наша делегация возглавлялась Троцким и состояла из следующих лиц: Иоффе, Каменева, М. Н. Покровского, Биценко, Карахана, консультантов по национальным делам—Стучки, Бобинского, Мицкевича-Капсукаса и Радека—и трех военных консультантов.

В самом начале возобновившихся переговоров немцы объявили, что они отказываются от своего ранее сделанного торжественного заявления о согласии с русскими условиями демократического мира. «Как следует из содержания сообщения союзных держав от 25 декабря 1917 г.,—заявил фон Кюльман,—одним из самых существенных пунктов его являлось единогласное принятие всеми воюющими державами (в том числе и Антантой) условий, одинаково обязательных для всех народов. Так как пункт этот оказался невыполненным, то и документ от 25 декабря 1917 г. перестал быть действительным». Это была ловкая дипломатическая увертка.

Боевым вопросом оставался вопрос о самоопределении наций.

Началась длительная борьба, в которой советская делегация сделала все, чтобы перед лицом всего мира подчеркнуть грабительский характер навязываемых нам условий. Шаг за шагом разоблачала советская делегация все хитросплетения германо-австрийских империалистов. Обстоятельные отчеты о ходе переговоров своевременно печатались в газетах, листовках, брошюрах и передавались по радио по всем странам.

Наконец ходом переговоров немцы были вынуждены в важнейшем вопросе—территориальном—раскрыть свои карты и предъявили свои окончательные условия. Предложенная ими граница отсекала большую часть Латвии и значительную часть Белоруссии, а всю Польшу и

Литву отдавала во власть немцев. Важнейшие три порта—Рига, Либава и Виндава—по этим условиям также отходили к Германии.

✓ «Предъявленные в сегодняшнем утреннем заседании,—подводил итоги прениям 18 января председатель советской делегации,—территориальные притязания германской и австро-венгерской делегации завершают в известном смысле основные политические переговоры. Германия и Австро-Венгрия отрезают от владений быв. Российской империи территорию размером свыше 170 000 *кв. км*, причем в границы ее входит быв. Царство Польское, Литва и значительные пространства, населенные украинцами и белоруссами... Державы отказываются вступать в какие бы то ни было объяснения не только относительно срока вывода войск из оккупированных областей, но и вообще отказываются связать себя какими бы то ни было обязательствами в смысле очищения оккупированных областей от своих войск... Практически дело сводится к тому, что правительства Германии и Австро-Венгрии берут в свои руки управление судьбами названных народов. Мы считаем своим политическим долгом открыто установить этот факт... Я предлагаю устроить перерыв в работах делегации, дабы дать возможность правительственным органам Российской республики вынести свое окончательное решение по поводу предложенных нам условий мира» [1].

✓ Троцкий и Каменев после этого выехали в Петроград для участия в работах созывавшегося тогда III Съезда советов. Тем самым заседания политической комиссии были прерваны, работа происходила только в менее важных комиссиях.

---

[1] Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. 1, стр. 130—131.

Уже из краткого изложения переговоров за время 9—18 января видно, что в политике, вернее, в тактике германской делегации произошла резкая перемена. Она была вызвана победой военной партии, т. е. военного командования. Эта победа досталась генералитету благодаря ряду обстоятельств, благоприятствовавших политике военной партии, и прежде всего благодаря положению дел на фронтах. На Западном фронте положение для Германии к тому времени не было угрожающим, а русские войска буквально таяли. Во-вторых, до возобновления переговоров существовало опасение, как бы в самом деле союзники не явились на конференцию,—теперь опасение это исчезло. В-третьих, до возобновления переговоров правящая Германия побаивалась, как бы созываемое в России Учредительное собрание не вмешалось в работы мирной конференции. Но после разгона учредилки, состоявшегося 18 января и это опасение миновало.

Предательство Центральной рады.

И тем не менее, все перечисленные обстоятельства по степени важности далеко уступают новому фактору—появлению на конференции делегатов Украинской Центральной рады [1]. Это были мелкобуржуазные доморощенные политиканы, работавшие на пользу буржуазии. Само собой понятно, что такая делегация пришлась по душе германским империалистам: ведь с этими можно будет сговориться! Этот фактор дал сильнейший козырь в руки фон Кюльмана. Для Германии и в особенности для ее союзницы—Австро-Венгрии—мир с Украиной

[1] Так называло себя контрреволюционное „правительство", состоявшее из украинских эсеров, меньшевиков и других мелкобуржуазных шовинистических групп, будущих петлюровцев. Вынужденная народным восстанием к бегству, Рада вернулась в Киев с помощью немецких штыков.

означал прежде всего хлебный мир. Под давлением продовольственных беспорядков и сильного забастовочного движения Австро-Венгрия прямо грозила своей союзнице сепаратным миром. Мир с Украиной открывал для германской коалиции радужные перспективы. И германская делегация с момента появления уполномоченных Центральной рады на конференции сама стала затягивать переговоры с советской делегацией, покуда не будет заключено сепаратное соглашение немцев с Центральной радой.

Советская делегация, исходя из права наций на самоопределение, согласилась на участие делегатов рады на конференции и признала за ними самостоятельность и независимость. На первых порах казалось, что удастся выступать вместе с украинской делегацией единым фронтом против германского блока. Но вскоре обнаружилось, что представители Центральной рады за спиной советской делегации ведут сепаратные переговоры с немцами.

О самом характере ведения переговоров делегации Центральной рады с немцами довольно красноречиво говорит такого рода официальное сообщение германской делегации:

«Официально. 16 января. Вследствие нездоровья министра иностранных дел графа Чернина, на его частной квартире состоялось назначенное на сегодня после обеда интимное совещание с украинской делегацией. Продолжавшееся в течение полутора часов собеседование, в котором принимала участие также и немецкая делегация, привело к установлению принципиального соглашения относительно будущих политических отношений по вопросам, касающимся Украины. На завтра назначено продолжение этого совещания; будут подвергнуты обсуждению также экономические вопросы.

После ожидающегося в ближайшем будущем окончания интимного подготовительного обмена мнений будет приступлено к детальному обсуждению». Вот в таких «интимных» собеседованиях делегаты Центральной рады и вели свои холопские и предательские «переговоры».

Тогда наша делегация повела борьбу с представителями Центральной рады. Эта борьба с ними тем более получала смысл, что к тому времени советская власть распространилась уже чуть ли не по всей Украине. Не отрицая за Украиной права на самоопределение, вплоть до отделения, советская делегация отказывалась признавать единственной политически правомочной ее представительницей Центральную раду.

15 января советская делегация обратилась с письмом к делегации Центральной рады, в котором, подчеркнув беспринципную игру делегатов рады, сняла с себя всякую ответственность за исход переговоров. Тогда же наша делегация обратилась к Всеукраинскому ЦИК'у советов в Харькове с просьбой принять меры к защите интересов Украинской республики.

Попытка советской делегации противопоставить делегации Центральной рады представителей Советской Украины не увенчалась успехом. Немцы об этом и слышать не хотели.

Посланные в Брест представители советского правительства Украины тщетно провели на границе некоторое время, добиваясь от немцев пропуска в Брест[1]. Наконец им был дан следующий характерный для всего этого эпизода ответ:

«Присутствующие в Бресте представители четверного союза, не признав законным правительство Украинской

---

[1] Успевшие приехать раньше, Шахрай и Медведев, оставались в составе общерусской делегации.

народной (Советской ?—*И. В.*) республики, не придают появлению упомянутых четырех господ никакого значения. Им предоставляется возвратиться в Петроград. (!—*И. В.*) Генерал-майор Гофман».

Да и могли ли, в самом деле, германские империалисты отказаться от использования до конца такого «счастливого» случая, как договор с мелкобуржуазной радой, только и рассчитывающей на немецкие штыки!

Одновременно эти представители рады, власть которой к тому времени распространялась только на один уезд Волынской губернии, не постеснялись вступить с Германией в наступательный союз против русской революции.

9 февраля сепаратный мир с делегацией Центральной рады был подписан. В тот же день нам был предъявлен ультиматум, который после разрыва переговоров и предпринятого немцами наступления мы вынуждены были подписать 3 марта, не вступая даже в его обсуждение.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РАЗВИТИЕ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ ПО ВОПРОСУ О МИРЕ.

Три тактики.

Как мы уже указывали выше, несмотря на целый ряд обращений советского правительства ко всем воюющим странам, переговоры о мире советской делегации пришлось вести только с представителями правительств германской коалиции.

Мирные переговоры нашей делегацией всячески затягивались. Тем временем становилось ясным, что мир с германским империализмом, если и будет заключен, может быть только грабительским, с аннексиями и контрибуциями за счет Советской республики. Следует ли нам подписывать такой мир? Так ставился вопрос в нашей партии в начале 1918 г. С тех пор вокруг этого вопроса в партии возникли глубокие разногласия, вызвавшие ожесточенную внутрипартийную борьбу трех политических линий, или течений.

Позиция В. И. Ленина в эпоху Бреста была им формулирована и обоснована впервые в его известных «Тезисах о мире», оглашенных 21 января 1918 г.[1]. Сущность этой позиции в основном сводилась к положению о том, что «со времени победы социалистического пра-

[1] Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 63—69.

вительства в одной из стран» надо решать вопросы «исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась». Так как на стороне советской власти почти все рабочие и громадное большинство крестьян и, стало быть, тем самым успех социалистической революции в России обеспечен; так как для подавления сопротивления буржуазии во всех, самых разнообразных формах потребуется немалое напряжение сил и некоторое время, по крайней мере, несколько месяцев; так как «организационные задачи социалистического преобразования в России так велики и трудны, что на разрешение их, при обилии мелкобуржуазных непопутчиков социалистического пролетариата и при невысоком культурном его уровне требуется тоже довольно продолжительное время»,—то из всех этих обстоятельств, вместе взятых, совершенно очевидно вытекает необходимость передышки, т. е. заключения мира, хотя бы и грабительского. Эта, хотя бы и кратковременная, передышка дала бы возможность осуществить переустройство России на основе диктатуры пролетариата, а «такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире».

Против ленинской линии, т. е. против подписания Брестского мира, резко выступала группа, позднее получившая название «левых коммунистов». Эти «левые» отвергали мир аннексионистский, считали недопустимым мир с империализмом вообще и настаивали на провозглашении революционной войны. Нужно отметить, что «левые коммунисты» расходились с партией также и по ряду важнейших вопросов хозяйственного строительства. Здесь, в этой брошюре, мы, конечно, будем рассматривать их отношение толь-

ко к основной проблеме брестского периода—проблеме мира.

Третье течение, обычно именуемое промежуточным, или еще более известное под именем «троцкистского» (возглавлял его Троцкий), выдвигало требование: мира не подписывать, войны не вести (ни мир, ни война).

Все три точки зрения совершенно отчетливо определились впервые 21 января[1] на собрании активных работников партии в Ленинграде. Дело было накануне III съезда советов, и на собрании удалось собрать 65 видных работников, главным образом делегатов съезда. В результате голосования левые, т. е. сторонники революционной войны, получили большинство голосов (32), значительно меньше собрали сторонники троцкистской тактики (16), а Ленин получил еще меньше—15 голосов.

Борьба этих трех течений впервые развернулась внутри ЦК партии 24 января, т. е. спустя три дня после частного совещания активных работников.

При голосовании точка зрения немедленной революционной войны была отвергнута. Принято было постановление о затяжке переговоров. Само собою разумеется, что такое решение вопроса не давало точной директивы. И поэтому на происходившем в то же время III съезде советов была принята резолюция в духе последнего решения ЦК. Правда, одновременно удалось на съезде провести постановление, предоставляющее Совнаркому широкие полномочия по вопросу о мире. И «левые» по этому поводу всполошились. Они обратились в ЦК партии с требованием созыва партийной конференции в недельный срок.

Такое требование было весьма характерно для «левых». Дело в том, что к тому времени верхушка круп-

---

[1] Напоминаем, что даты приводятся по новому стилю.

нейших партийных организаций в подавляющей части состояла из сторонников немедленной революционной войны. Созыв конференции, да еще в такой короткий срок, при отчаянном состоянии транспорта и вообще связи центра с местами, означал обеспечение «левым» большинства из руководящих работников Питерского комитета, Московского областного бюро и нескольких других организаций, увлеченных «левыми» настроениями.

ЦК отклонил это требование и постановил созвать через месяц партийный съезд. 3 февраля состоялось расширенное совещание ЦК партии с представителями всех имеющихся в связи с брестскими переговорами точек зрения. Из важнейших контрольных вопросов, предложенных тогда совещанию, стоит отметить следующие: «Допустимо ли сейчас подписать германский аннексионистский мир»? На этот вопрос утвердительно ответили только 5 участников: Ленин, Сталин, Муранов, Артем и Сокольников. Тогда был поставлен вопрос о затягивании переговоров; за высказались почти все участники совещания.

Между тем, переговоры в Бресте близились к развязке. «Тянуть» дальше стало уже невозможным.

Крупные события в рабочем движении Запада, которыми ознаменовалась вторая половина января 1918 г., вопреки ожиданиям, не получили дальнейшего развития.

Вспыхнувшая 14 января в Вене всеобщая забастовка со стихийной силой охватила всю Австрию, перекинувшись и за ее пределы. 28 января началась забастовка берлинских рабочих военного снаряжения, быстро охватившая 500 000 чел. Вскоре движение перебросилось и в другие города Германии (Лейпциг, Нюренберг, Мюнхен, Гамбург, Кельн, Брауншвейг, Данциг и др.), приняв явно политический характер. Возникали советы рабочих депутатов. Забастовка проходила под лозунгами

мира и республики. Кроме того выдвигались требования: снятие осадного положения и отмена цензуры; восстановление свободы собраний и стачек; освобождение политических заключенных. Правительство пустило в ход все средства: аресты, военные суды, отправку на фронты. В одном только Берлине «изъяли» свыше 50 000 забастовщиков. Для подавления движения не менее императорских властей поработали социал-демократические вожди. Пробравшись в состав стачечного комитета, они его и похоронили. К 3 февраля движение было раздавлено. Правительство торжествовало. Военная партия в Германии господствовала безраздельно. Буржуазная печать шумела по поводу затягивания переговоров, а германская делегация в Бресте все более наглела. Тогда советская делегация решила прекратить принципиальные дискуссии и поставить перед немцами вопрос ребром: «Сколько требуете?» Выяснять этот вопрос больше всех пришлось в подкомиссии военных экспертов. Там обнаружилось, что Германия не только присваивает себе все занятые ею во время войны территории, но и «выравнивает» стратегическую границу с Россией с таким расчетом, чтобы создать себе благоприятные условия для наступательных операций против России.

9 февраля германо-австрийцы заключили сепаратный мир с представителями Украинской «Рады», и в тот же день Кюльман сообщил, что условия, ранее сообщенные им советской делегации, он считает окончательными и категорического ответа последней ждет к завтрашнему дню.

Итак, ультиматум! Вот в этот-то момент Троцкий и решил пустить в ход свою «формулу», которая не была одобрена партией. На вечернем заседании 10 февраля Троцкий, как председатель советской делегации, заявил, что Советская Россия отказывается подписать

аннексионистский мир, но в то же время состояние войны считает прекращенным и что одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту. С этим наша делегация и покинула Брест.

Революция в опасности.

Немцы между тем иначе толковали эту «формулу»: перемирие они объявили оконченным и состояние войны возобновленным. 17 февраля появились существенные признаки готовящегося немцами наступления. На русский фронт перебрасывались с запада новые дивизии. Над Двинском появлялись германские аэропланы. По радио сообщалось, что немцы берут на себя охрану цивилизованного мира «от большевистской заразы».

Вечером 17 февраля ЦК партии вновь обсуждал вопрос о мире. Было проголосовано 8 контрольных вопросов, основной же вопрос—мир или война—все еще оставался неразрешенным. Правда, некоторый сдвиг уже удается обнаружить в результатах этого голосования. Так, за немедленную революционную войну никто уже не голосовал. Затем на вопрос о принципиальной допустимости подписания мира с империалистической Германией, при известных условиях, т. е., если революции там не будет, а наступление будет,—все ответили утвердительно.

На следующий день, когда выяснился уже факт наступления немцев, ЦК вновь обсуждал создавшееся положение. Стоял вопрос о посылке телеграммы Германии с предложением мира. Были допущены по два оратора за и против. Ленин высказался за немедленную посылку телеграммы в Германию с предложением мира, но его предложение было отклонено 7 голосами против 6.

В тот же день, 18 февраля, вечером вновь состоялось заседание ЦК. Двинск был уже занят немцами,

которые продолжали двигаться дальше, на север и на Украину. Ленин дважды выступал с решительным требованием прекратить выжидательную или «прощупывательную» политику. «ЦК голосовал против революционной войны,—сказал В. И. Ленин,—а мы не имеем ни войны, ни мира и втягиваемся в революционную войну. Шутить с войной нельзя. Мы теряем вагоны, и ухудшается наш транспорт. Теперь невозможно ждать, ибо положение определено вполне. Народ не поймет этого; раз война, так нельзя было демобилизовать; немцы теперь будут брать все. Игра зашла в такой тупик, что крах революции неизбежен, если дальше занимать позицию среднюю»...

Наконец, после долгих споров предложение Ленина—обратиться немедленно к германскому правительству с предложением немедленного заключения мира—было принято 7 голосами против 6 остальных членов ЦК при 1 воздержавшемся.

Телеграмма была послана от имени Совнаркома лишь 19 февраля. А наступление германцев (австрийцы воздерживались от участия в наступлении) продолжалось по всему фронту. Империалистические «партнеры брестского состязания,—по выражению т. Сокольникова,—заменили оружие дипломатической аргументации более надежной атакой в штыки». Впрочем, до штыковой атаки дело не доходило. Остатки старой русской армии буквально бежали, стоило только показаться ничтожной разведке немцев. Все попытки организовать сопротивление ни к чему не приводили. Немногие наспех собранные молодые красноармейские отряды, посланные для сопротивления, оказывались совершенно не в силах это выполнить. Немецкие войска в несколько дней дошли, а еще вернее, доехали, до Пскова, приближались к Ленинграду (Петрограду), заняли Киев и быстро рас-

пространялись по всей Украине. Само собой понятно, что в руки немцев досталось неисчислимое количество артиллерии, обозов и пр. и пр.

Это был поистине один из самых критических моментов в истории советской республики. А «левые» не унимались. Так, например, Московский комитет партии 20 февраля нашел нужным заявить протест против решения ЦК. Левые цекисты подали заявления об уходе со всех ответственных постов, оставляя за собой свободу агитации против решения ЦК.

22 февраля ЦК обсуждал ноту французской военной миссии, в которой Франция и Англия предлагали нам поддержку в войне с Германией. После долгих прений предложение было принято 6 голосами против 5. Ленин, отсутствовавший на заседании, прислал записку такого содержания: «Прошу присоединить мой голос за взятие поддержки и оружия у разбойников англо-французского империализма».

Наконец получен был ответ Кюльмана на телеграмму советского правительства. В своем ответе германское правительство требовало принятия ультиматума в течение 48 часов. Русским уполномоченным предлагалось немедленно отправиться в Брест-Литовск и там в трехдневный срок подписать мир, который должен быть ратифицирован (утвержден) в продолжение 2 недель. Что же касается самых условий договора, то они были значительно ухудшены в сравнении с условиями, предлагавшимися до наступления.

23 февраля ЦК обсуждал этот архитяжкий ультиматум. Ленин заявил, что политика революционной фразы должна быть прекращена. В противном случае он выходит из состава правительства и ЦК. «Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит надо принимать условия». Троцкий признал невозможным немедленное

возобновление войны, мотивируя тем, что революционной войны при расколе в партии вести невозможно. Однако при решающем голосовании он воздержался от подачи своего голоса. Результаты голосования на этом историческом заседании были следующие. За принятие германских условий голосовало 7 членов ЦК (Ленин, Сталин, Зиновьев, Свердлов, Сокольников, Смилга, Стасова) против—4 (Бухарин, Бубнов, Урицкий, Ломов), воздержались—4 (Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе). Итак, ультиматум немцев был принят.

Извещая партию о принятом решении подписать германские условия, ЦК в опубликованном обращении, между прочим, указывал, что единогласия в ЦК по вопросу о принятии этих условий не было. «Но раз принятое решение,—говорилось в этом обращении,—должно быть поддержано всей партией. В ближайшие дни предстоит партийный съезд, и на нем лишь можно будет разрешить вопросы, насколько правильно ЦК выразил действительную позицию всей партии».

«Мы уверены,—заканчивалось обращение,—что все члены партии исполнят свой долг перед партией, перед рабочим классом своей страны, перед международным пролетариатом. Сохраняя советскую власть, мы оказываем самую лучшую, самую сильную поддержку пролетариату всех стран в его неимоверно трудной, тяжелой борьбе против своей буржуазии. Большего удара для дела социализма теперь, чем крушение советской власти в России, нет и не может быть».

24 февраля германский ультиматум был принят на пленуме ВЦИКа большинством 126 голосов против 85 при 26 воздержавшихся. В тот же день, 24 февраля, в Брест-Литовск выехала советская делегация под председательством Г. Я. Сокольникова. Тем не менее на-

ступление немцев продолжалось. Прибыв в Псков, наша делегация немедленно заявила немецкому командованию решительный протест против этого. А немцы и в ус не дули. Протест был повторен и в Бресте.

К началу переговоров выяснилось, что за эти несколько дней тяжкие условия ультиматума еще ухудшились. Турецкие империалисты, с благословения немцев, от себя «добавили» отторжение областей Батума, Карса и Ардагана.

Советская делегация решила не вдаваться в обсуждение условий мира. Было совершенно ясно, что никакого существенного изменения ультиматума в нашу пользу ожидать было невозможно. А если бы даже торжествующие «победители» и захотели уступить нам в каком-либо пустяке, то разве только из желания скрасить неприкрытый грабеж. Но это меньше всего нам улыбалось. В интересах наших было подчеркнуть перед лицом всего трудового человечества, что мир этот— явно грабительский—не является продуктом «сердечного соглашения», а навязан нам самым насильственным образом.

3 марта мирный договор был подписан.

Победа ленинской тактики.

В партийных организациях к этому времени разногласия по вопросу о войне и мире приняли форму ожесточенной борьбы. Но перелом в сторону тактики передышки, в сторону принятия мира уже обозначился. 4 марта сторонники его получили на пленуме МК большинство голосов (10 против 7). В тот же день победа ленинцев одержана была и на Московской конференции. Еще 24 февраля Московское областное бюро выразило недоверие ЦК партии, а МК признавал мир на германских условиях «абсолютно неприемлемым». 4 же марта в своей резолюции Московская кон-

ференция большевистской партии выражает свое доверие ЦК и присоединяется к точке зрения Ленина. В тот же день пленум Московской области не присоединился к упомянутому выше решению бюро. Таким образом и здесь, в этой цитадели «левых», наметился поворот.

Резкий перелом обозначился в это время и в районах Питерской организации. Правда, ПК продолжал еще оставаться «левым» и 5 марта начал издавать свой печатный орган «Коммунист» (выходил с 5 по 19 марта).

6 марта открылся VII съезд партии. Съезд происходил в исключительно тяжелой, напряженной атмосфере, но партия все же сохранила единство. Большинством 30 голосов против 12 при 4 воздержавшихся съезд санкционировал мир.

Для характеристики тогдашнего международного положения Советской республики не лишним будет отметить, что даже резолюция, принятая на съезде по вопросу о мире, не была тогда оглашена в печати. Нельзя было раскрывать все карты перед германским империализмом. Приводим первые строки этой резолюции: «Съезд признает необходимым утвердить подписанный советской властью тягчайший, унизительный мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику».

14 марта вопрос о мире обсуждался во фракции IV, чрезвычайного, Съезда советов. Сторонники революционной войны, с согласия ЦК сохранившие полную свободу защиты своего мнения, в многочисленной фракции, насчитывавшей 795 членов, не смогли уже собрать

и одной десятой части всех голосов. 15 марта Съезд советов ратифицировал договор 784 голосами против 261 при 115 воздержавшихся. В числе последних были 64 «левых коммуниста», подписавших особую декларацию по мотивам воздержания.

21 марта состоялась партийная конференция Питерской организации. Докладчиком от «левого» ПК выступал Радек, резолюция которого получила только 7 голосов. Линия партии получила остальные 57 голосов. Политика антиленинцев была признана «глубоко ошибочной». Орган «левых», «Коммунист», решено было закрыть.

Теперь единственными опорными пунктами «левых» оказались Московское областное бюро, где еще имелось много «левых», и организация на Урале. Однако разногласия «левых» с партией теперь шли уже главным образом по вопросам внутренней политики и хозяйственного строительства.

Выступления «левых» уже в это время встречали сильнейшее сопротивление со стороны партийных масс. Коммунизм «левее» Ленина доживал свои последние дни. К началу июля, когда собрался V Съезд советов, разногласий в партии по коренным вопросам внешней и внутренней политики уже почти не было.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СУЩНОСТЬ СПОРОВ В ПАРТИИ.

Революционная война.

Противники Брестского мира упрекали Ленина в забвении им же выдвинутого в 1915 г. и позже, в 1917 г., так часто разъяснявшегося тезиса о революционной войне. И действительно, Ленин, а с ним и вся партия большевиков, неустанно говорили о необходимости «подготовлять и вести» революционную войну в случае победы социализма в одной стране. Ленин, а с ним и вся партия всегда говорили, что с момента победы диктатуры пролетариата в нашей стране мы становимся оборонцами своего, т. е. социалистического, «отечества». Но брала ли партия на себя обязательство начинать революционную войну без учета того, насколько возможно вести ее в тот или иной момент? Нет, такого обязательства партия на себя никогда не брала. В течение всей дискуссии брестского периода вопрос шел только о том, можно ли сейчас, в данный момент, немедленно вести революционную войну. Ленин утверждал, что вопрос этот можно решить, только учитывая материальные условия осуществимости такой войны и интересы социалистической революции, которая уже началась.

Но материальные факторы—крайняя усталость солдат, негодность конского состава (и неминуемая поэтому гибель нашей артиллерии) и полная невозмож-

ность защитить побережье от Риги до Ревеля—делали старую армию совершенно непригодной к каким бы то ни было военным действиям. Соотношение классовых сил было таково, что солдатская масса, в подавляющем большинстве своем крестьянская, безусловно предпочла бы сепаратный, аннексионистский мир революционной войне. Да это она и доказала, покидая фронт целыми частями. Деревенская беднота в тот момент тоже еще не в состоянии была итти на серьезную революционную войну. При таком положении вещей продолжение войны привело бы к сильнейшим поражениям и—что важнее всего—к свержению пролетарской диктатуры. Но «левые» не вдавались в рассмотрение всех этих объективных обстоятельств.

Достаточно взять такой характерный факт, как демобилизация старой армии. Еще до распоряжения о демобилизации, отданного Троцким при оглашении им в Бресте декларации (ни мира, ни войны), частичная демобилизация производилась все время, начиная с ноября. Велась ли хоть какая-либо кампания со стороны противников Брестского мира против демобилизации старой армии? Никто из них и не поднимал этого вопроса. Таким образом, этот лозунг революционной войны выдвигался левыми без всякого учета объективных обстоятельств, он диктовался не хладнокровным марксистским анализом положения, а чувством—чувством обиды, горечи, унижения. И Ленин называл поэтому политику «левых» революционной фразой. Объективно же, т. е. незаметно для них и помимо их воли, левые коммунисты, борясь против мира, лили воду на мельницу буржуазии, которая все свои надежды возлагала на разгром революции. А что война без армии в тот момент, когда революционная власть еще не смогла приступить к осуществлению коренной

реорганизации России на новых началах, привела бы к разгрому революции,—это было для буржуазии яснее ясного. И кадеты, те самые представители буржуазии, которые советской властью были объявлены врагами народа, они выпускали листовки с призывом к «общенациональному единению», они призывали к участию в «революционной войне». Призывая к войне с немцами, буржуазия охотно вступала в соглашение с теми же немцами против власти советов. Это она блестяще доказала в Двинске, Режице, Вендене, Гапсале, Минске, Дриссе и других городах при вступлении туда немцев после разрыва брестских переговоров. Ленин, разбирая доводы левых коммунистов против Брестского мира, так и говорил, что это—«западня, в которую буржуазия тащит русских большевиков сознательно, а часть большевиков попадается бессознательно, из-за любви к фразе» [1].

В числе многочисленных доводов «левых» в защиту немедленной революционной войны находим такого рода рассуждения: организация борьбы дается в самом процессе борьбы. Ведь вот,—рассуждали «левые»,—и в октябре нам говорили соглашатели, что у нас нет сил, нет войска, нет пулеметов, нет техники, а у буржуазии все есть. Но ведь явилось все это, когда началась борьба класса против класса. Вот начнем мы борьбу против капиталистов Германии, и к нам явится на помощь немецкий рабочий.

В этом рассуждении «левых коммунистов» имеется много путаницы. Прежде всего нелепо самое сопоставление Германии того времени с положением в России, пережившей февраль 1917 г., июль и в сентябре—

---

[1] **Ленин**, собр. соч., т. XV, статья „О революционной фразе" стр. 107.

октябре «вполне созревшей к восстанию». Что же касается соглашателей в рядах нашей партии, вроде Каменева и Зиновьева, действительно пытавшихся затормозить Октябрьское восстание рассуждениями о том, что у нас ничего нет, а у буржуазии все есть,—то нужно понять источник их заблуждений. «Не в том,—говорил Ленин,—ошибка оппортунистов Октября, что они «заботились» об объективных предпосылках (только дети могут так думать), а в том, что они факты оценили неверно, брали мелочи, не видя главного: поворота советов от соглашательства к нам»[1].

Итак, в Октябре, накануне его, мы с большой точностью учли массовые силы. На основании таких реальных данных, как выборы в советы, мы твердо знали, что широкие массы, рабочие и солдаты, в подавляющем большинстве уже отошли от наших врагов, уже перешли на нашу сторону. Это обстоятельство и решило вопрос о своевременности Октябрьской революции.

А как обстояло дело в период брестской внутрипартийной дискуссии с революцией в Германии? Вот тут-то мы и подходим к источнику заблуждений «левых коммунистов». Оценка революционного движения в странах Западной Европы, в частности, Германии, ближайших перспектив этого движения у «левых» явно грешила преувеличением. Что революция в Европе, как и во всем мире, зреет, что Октябрьская революция в России есть начало этой мировой революции, что рано или поздно в странах Запада неизбежна победа пролетарской революции,—это не могло вызывать никаких споров в партии большевиков. «Нет сомнения,—

---

[1] Ленин, собр. соч., т, XV, статья „О революционной фразе“ стр. 106.

писал В. И. Ленин в своих тезисах о мире,—что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении». Спор начинался там, где левые пытались определить сроки наступления революции на Западе. Не нужно доказывать, что всякие попытки установить точные сроки ожидаемой революции обречены на неудачу. На Западе, правда, в январе 1918 г. имели место крупные проявления революционного движения, как политические стачки в Германии и Австрии, проходившие под лозунгом прекращения войны на демократических началах. Стачки сопровождались уличными демонстрациями и в некоторых местах кровавыми столкновениями с правительственными войсками. В Берлине был образован совет рабочих и солдатских депутатов, выставивший требования всеобщего демократического мира, всеобщего избирательного права, освобождения арестованных вождей рабочих и «справедливого распределения продуктов». Но все эти факты подтверждали лишь правильность утверждения о том, что революция зреет, но еще не созрела, что широкие рабочие и солдатские массы, скажем, Германии, еще не готовы к выступлению с оружием в руках против класса капиталистов и правительства. Ленин именно в это время указывал, что нужно считаться и «уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России» [1]. А «левые» и до этих событий в Германии и Австрии, как и после них, в феврале, марте и позднее, твердили, что революция на

[1] Протоколы VII съезда, стр. 23.

Западе наступит весною, летом, во всяком случае—в ближайшее же время. Оценка перспектив мировой революции, стало быть, давалась «левыми» без точного учета конкретных данных. Нетрудно видеть, что все эти потуги во что бы то ни стало увидеть революцию там, где ее еще нет, имеют своей оборотной стороной неверие в возможность длительного существования диктатуры пролетариата в одной стране и победоносного строительства в ней социализма. Революция на Западе не подоспела, задерживается,—стало быть, республика советов обречена на гибель,—так должны были сказать «левые коммунисты», если бы они последовательно развивали свои антиленинские мысли. А в одном из документов «левых», в объяснительном тексте к резолюции Московского областного бюро, принятой 24 февраля 1918 г., эта же мысль и осталась увековеченной: они считают «целесообразным итти на возможность (?—*И. В.*) утраты советской власти», причем это оказывается целесообразным «в интересах международной революции»!..

Ленинская теория передышки.

Выше мы в кратких чертах изложили сущность передышки, отстаивавшейся Лениным. Мы видели, что в противовес героям левой фразы, Ленин решал вопрос о войне и мире на основании учета массовых сил, классовых взаимоотношений и материальных возможностей. «Мы идем,—писал В. И. Ленин,—на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что теперь мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче. Поэтому, если можно получить архиневыгодный сепаратный мир, его обязательно принять в интересах социалистической ре-

волюции, которая еще слаба (ибо к нам, русским, еще не пришла на помощь зреющая революция в Германии)».

Итак, архитяжкий, «похабный» мир нужно было принять, как временное неизбежное отступление, которое, при данном соотношении сил, при сложившейся обстановке являлось единственным средством вывести авангард, т. е. рабочий класс нашей страны, из-под удара и сохранить за ним резервы, т. е. не только широкие крестьянские массы, но и самые завоевания Октябрьской революции. Вся линия передышки представляет в высшей степени поучительный маневр в сложнейшей обстановке классовой борьбы. Целью этого маневра было: 1) выиграть время, 2) использовать столкновения в лагере империализма, 3) разложить силы противника, 4) сохранить за собой крестьянство и 5) накопить силы для подготовки революционной войны, в которой мы одержали победу над Колчаком, Деникиным, Юденичем и пр. [1].

„Ни мир, ни война“.

В литературе, освещающей брестский период нашей истории, часто встречается утверждение, будто формула «ни мир, ни война», т. е. тактическая линия Троцкого и его сторонников, ничем не отличается от тактики «левых коммунистов», т. е. сторонников немедленной революционной войны. Это требует пояснения. Бывали моменты, когда Троцкий колебался, резко менял свою позицию, переходил то на точку зрения немедленной революционной войны, то вновь возвращался к «своей» тактике. Однако колебания эти, как оклонения от основной его позиции, не лишают нас возможности рассматривать самую по-

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 143.

зицию «ни мир, ни война», как противопоставленную тактике Ленина.

Сам Троцкий такими словами формулирует свою позицию в брестский период. Это было,—говорит он,—«течение, которое считало невозможным военное сопротивление, но в то же время находило необходимым довести переговоры до открытого разрыва, до нового наступления Германии, так, чтобы капитулировать пришлось уже перед очевидным применением империалистской силы»[1]. Слова эти были написаны им спустя некоторое время после того, как история полностью оправдала тактику Ленина в вопросе о Брестском мире. Троцкий в этой формулировке пытается задним числом исправить свою тактику. Он явно и намеренно вводит в заблуждение читателя, когда представляет дело так,—будто его позиция отличалась от тактики Ленина только тем, что он предлагал ждать до наступления Германии. Это явное извращение своей собственной «тактики» так характерно для Троцкого, готового все сделать, чтобы не разобравшийся читатель всерьез поверил, будто прав был он, а не партия во главе с Лениным. В действительности же, приведенная выше точка зрения Троцкого по вопросу о Брестском мире не имеет ничего общего с той позицией, которую он отстаивал в период брестских переговоров.

Прежде всего, до наступления немцев Троцкий все время доказывал, что немцы не станут и не смогут наступать. Но вот немцы предприняли наступление. «Применение империалистической силы» стало в достаточной мере не только «очевидным», но и весьма ощутительным. А Троцкий все еще считал необходи-

---

1 Предисловие Троцкого к кн. „Мирные переговоры в Брест-Литовске", изд. Наркоминдела, 1920 г.

мым занимать позицию «ни войны, ни мира». Лишь в последний момент, на решающем заседании ЦК партии 23 февраля, когда на запрос советского правительства немцы предъявили ультиматум, продолжая занимать город за городом, Троцкий констатировал невозможность возобновления войны. Но чем он это мотивировал? Нежеланием содействовать расколу в партии[1]. Если расшифровать этот аргумент, на первый взгляд кажущийся партийным, то мысль Троцкого—о неправоте партии и Ленина, о нецелесообразности принятия ультиматума—будет достаточно ясна. Впрочем, зачем прибегать к расшифровке его скрытых мыслей, когда имеется по этому вопросу его же пояснение, данное им на VII съезде партии. «По вопросу о том, где больше шансов, там или здесь,—говорил Троцкий в опять-таки цветистой речи, направленной против Ленина и его тактической линии,—я думаю, что больше шансов не на той стороне, на которой стоит т. Ленин»[2]. Стало быть, даже после подписания Брестского мира Троцкий считал, что точка зрения немедленной революционной войны более правильна! Как мало это похоже на то, что он рассказал нам о том же в 1920 г.

Однако действительная позиция Троцкого в вопросе о Брестском мире ярче всего изложена в его же ответе, данном VII Съезду партии на вопрос, почему он воздержался от голосования за принятие или непринятие германского ультиматума на заседании ЦК 23 февраля. Троцкий изрек по этому поводу следующее: «Я не

[1] Еще раз напомним, что, когда вопрос был поставлен на голосование, Троцкий счел необходимым воздержаться от подачи своего голоса за или против принятия ультиматума. Тем самым партийный смысл его речи был вытравлен им же самим.

[2] VII съезд РКП, стр. 78.

считаю решающим для судеб нашей революции то или другое наше отношение к этому вопросу»[1]. Вот где кроется все — весьма убогое — содержание «течения» Троцкого. Будет ли подписан Брестский мир, будет ли возобновлена война,—все это нисколько не решает судьбы нашей революции: судьба революции, стало быть, предрешена. А посему и мир, и война—все бесполезно... «К мирным переговорам,—говорит он в другом месте,—мы подходили с надеждой раскачать рабочие массы как Германии и Австро-Венгрии, так и стран Антанты»[2].

Массы мы раскачивали, но массы не раскачались. Стало быть, неминуемая гибель, а потому все бесполезно. Вот единственно возможное толкование всех этих утверждений Троцкого. Впрочем, в той же речи его на партсъезде мы находим совершенно законченное обобщение этих мыслей: «Сколько бы мы ни мудрили, какую бы тактику ни изобретали, спасти нас в полном смысле слова может только европейская революция»[3]. Это на редкость—для такого оратора—ясно сказано. Бесполезны, стало быть, вообще какие бы то ни были мероприятия!..

Нетрудно заметить в этой позиции общее с позицией «левых коммунистов». Их объединяет неверие в возможность удержать диктатуру пролетариата в условиях задержки революции на Западе. Однако столь же легко заметить в этой позиции то, что резко отличает ее от «левых»: это полное бездействие, полнейшая безнадежность, капитулянтство: скрещенные на груди руки.

---

[1] VII Съезд РКП, стр. 78.
[2] Троцкий, О Ленине, стр. 78.
[3] VII Съезд РКП, стр. 78. Подчеркнуто нами.

Вопрос о „затягивании" переговоров.

Во всех литературных и устных выступлениях по вопросу о Брестском мире Троцкий останавливается на «затягивании» переговоров. Он считает, что поскольку к переговорам подходили с надеждой раскачать рабочие массы Запада, постольку нужно было переговоры затягивать как можно дольше[1]. Это затягивание на самом деле имело место. Спрашивается, верно ли утверждение Троцкого, когда он говорит, что все время переговоров, вплоть до самого момента отъезда в Брест-Литовск, в партии, в ЦК, не было возражений по поводу затягивания переговоров? Конечно, наибольший интерес в этом вопросе представляет отношение В. И. Ленина к тактике затягивания.

В нашей литературе в последнее время появляются упоминания о том, что Ленин «с самого начала» был за немедленный мир. С самого начала—это означает, по-видимому, с начала мирных переговоров. Тем не менее, такие утверждения решительно ни на чем не основаны. Во-первых, авторы этой версии сами не приводят никаких данных, которые бы сколько-нибудь подкрепляли это предположение. Во-вторых, имеется ряд данных, говорящих как раз обратное: в начале переговоров Ленин, действительно, считал необходимым затягивать переговоры.

Откуда мы это видим и зачем это затягивание было нужно? На VII Съезде партии Троцкий в своей речи, направленной против Ленина, пытался приписать Ленину слова в защиту бесконечного затягивания. Ленин в заключительном слове дал следующее разъяснение. «Он цитировал часть разговора со мной,—ответил Ленин,— но я добавлю, что между нами было условлено, что

---

[1] Троцкий, О Ленине, стр. 78.

мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума—мы сдаем» [1]. Федот, да не тот! Итак, затягивание Ленин признавал целесообразным до определенного момента. Это было сказано Лениным на съезде, т. е. после подписания мира. Но мы имеем слова Ленина по тому же вопросу, написанные им до подписания мира. В статье «О революционной фразе», напечатанной 21 февраля 1918 г., читаем:

«В чем был источник ошибки, которую революционеры настоящие (а не революционеры чувства) должны уметь признать и продумать?

В том ли, что вообще мы маневрировали и агитировали в связи с переговорами о мире? Нет. Не в этом. Маневрировать и агитировать надо было. Но надо было также определить «свое время» как для маневров и агитации—пока можно было маневрировать и агитировать,—так и для прекращения всяких маневров к моменту, когда вопрос стал ребром» [2]. Все это не оставляет никакого сомнения в том, что в начале переговоров Ленин считал необходимым затянуть их: маневренные и агитационные цели такой тактики совершенно ясны. Революционизирующее значение переговоров в самом деле нельзя отрицать. Политика разоблачения германского империализма проводилась нашими делегациями все время с большой настойчивостью и весьма искусно. Сам Троцкий с этой агитационной задачей справился, хотя его длинные, витиеватые речи и сложные ораторские построения очень часто затрудняли широким массам усвоение в полной мере смысла происходившего в Бресте поединка.

Но вернемся к вопросу о «затягивании». В ленинских «Тезисах о мире», оглашенных 21 января 1918 г., од-

---

[1] VII Съезд РКП, стр. 129. Подчеркнуто нами.
[2] Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 103.

нако, уже говорится, что «никакие дальнейшие отсрочки более неосуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы уже сделали все возможное и невозможное» [1]. Возникает вопрос, почему Ленин, уже 21 января признав дальнейшее затягивание мира невозможным, не настаивал со свойственной ему решительностью на прекращении искусственного затягивания?

На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос кроется в объективном факте—в предъявлении нам ультиматума. В самом деле, в тех же «Тезисах о мире» необходимость неотложного решения вопроса обусловливается Лениным тем фактом, что в правящих кругах Германии «взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и его формального предъявления)» [2]. Вот в этом последнем замечании, отмеченном скобками, находим ответ на поставленный вопрос. В январе, когда Ленин писал эти тезисы, он ждал со дня на день предъявления ультиматума. Но формальное предъявление ультиматума почему-то затягивалось. Поэтому и возможно было продолжать тактику затягивания. Интересно подчеркнуть, что в цитированном выше тезисе Ленин не говорит о нецелесообразности дальнейших отсрочек,—он отмечает их неосуществимость! Коль скоро ультиматума нет, дальнейшее затягивание осуществимо, а потому и целесообразно. Но как только ультиматум был предъявлен, «надо было мир взять, а не хорохориться зря» [3].

---

[1] Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 21.

[2] Там, же стр. 64.

[3] VII съезд РКП, заключительное слово Ленина, стр. 129.

Социально-политические корни „левой" оппозиции.

Мы ознакомились с сущностью «левого коммунизма» и троцкизма в вопросе о Бресте. Теперь остается нам выяснить социально-политические корни этой внутрипартийной оппозиции.

Нужно представить себе, чем была насыщена эпоха брестской дискуссии, т. е. период первых месяцев после Октябрьской победы. То было время, когда город за городом, область за областью примыкали к власти советов. Победа давалась необычайно легко. Первые недели после Октября—это было сплошное триумфальное шествие. Сопротивление белых быстро было сломлено. Калединцы, дутовцы были разбиты. Беспощадная борьба с соглашательством, революционная решимость покончить с ним навсегда,—вот чем проникнуты были политические мероприятия того времени. Эта решимость доконать соглашательство, выработавшаяся в массах в результате семи месяцев господства соглашателей, была одной из важнейших предпосылок этой легкой и быстрой политической победы над внутренним врагом.

Но вслед за праздничными днями победившей революции наступили революционные будни. Перед партией, перед рабочим классом встали гигантские и труднейшие задачи—внутреннего строительства и борьбы с международной буржуазией. Многие подходили к этим задачам так, как будто дело сводилось к ликвидации очередной дутовщины. Отсюда—полное отсутствие учета материальных возможностей, полная недооценка неустойчивости основной крестьянской массы, не успевшей еще освоиться с теми коренными изменениями, которые проводились.

Этот новый исторический период, поставивший новые задачи, требовал и нового метода в их разрешении. В отношении к войне это означало: с международным

империализмом мы в данное время еще воевать не можем, а потому нужно на время принять мир, каким бы он ни был. Нужно немедленно приступить к организации новой, революционной армии (Красной армии) и немедленно взяться за перестроение всей страны. Словом, «нужно уступить пространство, чтобы выиграть время».

Всего этого не понимали «левые коммунисты». Чьи же интересы, настроения каких социальных групп отражали они? В своей тактике они отражали настроения патриотически мыслящего городского мещанства, видевшего в отторжении от России каких бы то ни было губерний—«гибель» России.

Что же касается сторонников позиции «ни мира, ни войны», то тут, собственно, не приходится даже говорить о каком бы то ни было течении. Это была ничтожная группка интеллигентов, в большей своей части связанная с лидером их уже с давних пор.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ МИРНОГО ДОГОВОРА.

Подписанный 3 марта мирный договор состоял из основного и ряда дополнительных договоров.

Изложенные в них пункты в значительной части написаны были в такой форме, что требуется внимательное изучение их, чтобы уловить их аннексионистский характер. Поэтому мы и даем небольшой разбор условий заключенного мира.

Первый, важнейший вопрос—территориальный. Земли, на которые договор распространяется, могут быть разделены на пять категорий.

К первой категории отнесем территории, по договору насильственно отрываемые от России. Это земли, лежащие к северу от Риги, переходящие к югу от Двинска и направляющиеся на юг к западу от Вильно вплоть до Брест-Литовска. В договоре говорилось, что будущее устройство этих территорий будет определено германским и австро-венгерским правительствами «в согласии с их населением». Последние слова—единственное, что осталось от фикции самоопределения, под флагом которого эти области отторгались еще в начале переговоров.

Вторую категорию земель составляют: Карс, Батум и Ардаган. Эти области, по договору, очищаются от русских войск, и новый строй в них должен быть

установлен в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией. Это—несколько замаскированная форма того же насильственного отторжения.

К третьей категории относятся Эстляндия и Лифляндия. Эти территории занимаются германскими войсками, якобы, в полицейских целях. Войска остаются до того момента, когда «общественный порядок» будет «обеспечен собственными учреждениями», иначе говоря, когда там окончательно установится власть немецких баронов.

Четвертую категорию составляют районы, временно занятые германскими войсками: районы Пскова, Двинска и прочие, к востоку от указанной в первой категории черты. Эти местности немцы занимают до заключения всеобщего мира.

Наконец последняя категория—Украина и Финляндия. В обеих этих странах хозяйничанье Германии осуществляется под видом «оказания помощи дружественному правительству». Россия выводит свои войска и Красную гвардию из Украины и Финляндии. Мало того, Россия обязуется заключить мир с так называемой Украинской народной республикой, т. е. с мелкобуржуазной радой, руководимой Петлюрой и Винниченко.

Помимо всех этих условий имеется, конечно, пункт о прекращении агитации против четверного союза и их государственного строя. Специальным постановлением Россия обязуется прекратить агитацию против контрреволюционных правительств Финляндии и Украины.

Что касается армии, то Россия обязуется произвести полную демобилизацию своей армии, включая и вновь образованные части Красной армии. Правда, речь идет только о демобилизации, т. е. о переводе армии на мирное положение, но не о полной ликвидации армии. Что касается флота, то все военные суда России должны

быть либо введены в русские военные гавани и оставаться там до заключения всеобщего мира, либо немедленно разоружены.

По вопросу о контрибуции договор содержал ряд замаскированных пунктов. По основному договору, обе стороны взаимно отказываются от возмещения военных расходов и от военных убытков, причиненных в зоне военных действий. Это означало, что те убытки, которые были произведены германской армией в местностях оккупированных, возмещению не подлежат, и, наоборот, убытки, связанные с войной и произведенные в тылу, должны быть возмещены. Эта статья была использована немцами в свою пользу.

Из круга остальных вопросов, затронутых в дополнительных договорах, наиболее важны две статьи, имевшие в виду новое советское законодательство. Одна из них связана с аннулированием государственных займов и другая относится к экспроприации частной собственности в России.

По поводу первой имеется постановление о том, что все кредиторы восстанавливаются в своих правах. Однако, путем ряда оговорок, это постановление распространялось лишь на те государственные ценности, которые до подписания договора находились в германских руках.

В разговоре с т. Чичериным, в дни подписания договора, представитель Германии указал, что, по подсчету германского правительства, в руках немцев находится не более, чем полмиллиона рублей русских государственных ценностей [1].

Что касается статьи, связанной с экспроприацией частной собственности в России, то смысл ее сводился к

---

[1] Стенографический отчет IV, чрезвычайного, Съезда советов стр. 12.

тому, что Россия обязуется выдать вознаграждение всем бывшим собственникам из числа германских подданных. В беседе с представителями Германии эта возможность откупиться была определена, по их мнению, скромной суммой—в 3 миллиарда рублей.

Опуская все остальные статьи, не представляющие особого интереса, нужно отметить несколько постановлений, относящихся к демобилизации на турецкой границе. По смыслу этих статей, на границе России не должно было быть сконцентрировано русских войск и на всей территории Кавказа во все время продолжения мира не должно было быть сосредоточено более одной дивизии. Для увеличения там численности войск предварительно требовалось испросить разрешение держав четверного союза.

Согласно экономическим трактатам, в отношении Германии оставлялись прежние торговые тарифы и прежние торговые договора. Кроме того Россия и Германия признали друг за другом права наиболее благоприятствуемой державы. Должен был быть предоставлен беспошлинный вывоз из России леса и всякого рода руды. Почти такой же характер носил и экономический трактат с Австро-Венгрией.

Таково главнейшее содержание Брестского мира. Нет никакого сомнения в том, что та характеристика мира— «архитяжкий», «похабный»,—которая давалась всей партией, имела достаточно оснований.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ОТ ПОДПИСАНИЯ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА ДО АННУЛИРОВАНИЯ ЕГО.

Германский империализм и плоды его „победы“.

Германские войска расположились по всей Украине, как в своей колонии. Советская власть была там сметена, Центральная рада возвратилась под защитой немецких штыков. Она еще понадобилась немцам, чтобы затушевать истинный смысл этой оккупации. Немецкие генералы в воззваниях к населению употребляли такого рода выражения: «Мы идем, как товарищи, а не как враги украинского народа. Мирные и любящие порядок граждане и крестьяне могут быть уверены, что германские солдаты будут помогать им». Истинная цена этим прекраснодушным уверениям германских победителей, конечно, ясна.

По дополнительному договору, Украина должна была отдать Германии до нового урожая, помимо прежних 60 млн. пудов хлеба, новых 75 млн. пудов хлеба, 11 млн. пудов живого скота, 300 000 голов живых овец, 1 млн. гусей, 1 млн. прочей птицы, 4 млн. пуд. сахару, 60 000 пуд. масла и жиров, 200 000 пуд. ежемесячно мясных консервов, 1 500 вагонов яиц, 2 500 тыс. пудов сахарного песку, 20 млн. литров спирта. Наряду с этим немцы забрали в свои руки мясные и сельскохозяйственные заготовки, украинские железные дороги и руководство работами

в Донецко-криворожском бассейне. Нужно прибавить, что вместо 50 000 солдат, как было условлено, немцы привели на Украину 300 000, которые по договору с Цетральной радой получали значительную часть довольствия и жалования из средств Украины.

А спустя несколько недель эта Рада уже не нужна была немцам, так как содействие ее в деле выкачки хлеба из деревни оказалось недостаточным. У власти были поставлены германским империализмом крупные собственники—помещики, фабриканты и купцы, инсценировавшие государственный переворот. На площади Богдана Хмельницкого 29 апреля был «выкликан» гетман Скоропадский, гвардейский офицер, монархист, ставленник крупных помещиков и сам богатейший помещик.

Территорию своего хозяйничанья на Украине германский империализм расширил, насколько было возможно, прибрав к рукам не только Донбасс, но и Крым, и с помощью турецких войск продвигался к Баку.

Еще меньше церемонился германский империализм в продвижении на север. Когда в начале апреля русские войска, в том числе и флот, были выведены из Финляндии, генерал Людендорф повел наступление на революционную Финляндию. Потопив в крови восстание пролетариата, немецкий империализм и здесь оказался полным хозяином.

Самой России немцы в августе навязали новый договор, по которому советское правительство обязалось уплачивать $1\frac{1}{2}$ миллиарда марок золотом или банкнотами, 1 миллиард товарами и, вдобавок, заключить в Германии заем на 2,5 миллиарда марок. Все это, с одной стороны, конечно, укрепляло германский империализм, но, с другой стороны, это непомерное расширение владычества на огромной территории бывшей Российской империи несло империализму гибель. Революционная

борьба рабочих и крестьян на Украине, в Прибалтике, в Финляндии не могла не оказать сильное влияние на многочисленные немецкие войска.

Прежде всего нужно отметить, что сопротивление рабочих и крестьян немецким оккупантам, как и сочувственное отношение немецких солдат к трудовому народу Украины и других оккупированных областей настолько были ощутительны, что количество вывезенного продовольствия из Украины далеко не достигало ранее намеченного. Так, всего с начала весны до ноября 1918 г. из Украины было вывезено 9 132 вагона продовольствия, из них только $^{7}/_{17}$ частей поступило в Германию. По данным следственной комиссии германского рейхстага, это свелось к 75 миллионам фунтов хлеба на 67 миллионов немцев, т. е. около фунта на человека!..[1]. Это, конечно, составляет лишь ничтожную часть того, что предполагалось вывезти.

Кроме того, вместе с продовольственными грузами экспортировались из страны революции революционные идеи. Революционно настроенные солдаты, перебрасываемые на Западный фронт, ускоряли процесс разложения армии. Впрочем, благоприятная для Германии военная ситуация на Западном фронте уже к началу апреля 1918 г. резко изменилась. Дело в том, что Соед. штаты стали транспортировать в Европу свои войска с такой быстротой, которая опрокинула все стратегические расчеты Германии. Общее количество американских войск на фронтах к лету 1918 г. уже составило 900 000 человек. Одновременно французы ввели в бой большое количество цветных войск. Германский главный штаб летом 1918 г. уже не скрывал отсутствия какой бы то ни было надежды на победу.

---

1 Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма.

Этими обстоятельствами объясняется та сравнительно умеренная позиция, которую заняло германское правительство по отношению к России в связи с убийством германского посла Мирбаха. Убийство было совершено в Москве партией «левых эсеров», намеревавшейся таким путем, вопреки воле рабочих и крестьян всей нашей страны, ввязать нас в войну. Немцы первоначально настаивали на вводе своих войск в Москву, под предлогом охраны посольства. В конце концов они ограничились увеличением штата посольства до 300 человек. Что же это была за партия такая—левые эсеры?

Левые эсеры.

Левые эсеры до Октябрьской революции входили в общую партию эсеров—были в одной партии вместе с Керенским. В октябрьские дни будущие левые эсеры, совместно с правыми, настаивали на образовании «коалиционного» правительства всех «социалистических» партий. Под давлением солдат и крестьян это левое крыло эсеров в декабре 1917 г. откололось от своей партии и организационно обособилось в самостоятельную партию «левых эсеров». Когда победа советской власти в крупнейших центрах и на фронте уже определилась, левые эсеры вошли в состав советского правительства. Они считали себя представителями крестьянской бедноты. По существу же эта партия представляла лишь некоторую часть зажиточных слоев деревни, у которых победа октябрьского восстания связывалась с надеждой на получение помещичьей земли.

В вопросе о Брестском мире эта партия, в лице своего ЦК, вначале и вплоть до III Съезда советов выступала за принятие мира. Затем произошел крутой поворот. Левые эсеры стали ярыми противниками Брестского мира. Чем объяснить такой резкий поворот в вопросе исклю-

чительной важности? Дело в том, что левые эсеры пытались всяческими путями воздействовать на общую политику советской власти с тем, чтобы подчинить пролетариат своему руководству. Когда же все их потуги совлечь советскую власть с пути пролетарской диктатуры не увенчались успехом, они поставили себе задачей дезорганизацию и свержение советской власти. Что вовлечение Советской республики в войну с германским империализмом могло бы привести к падению советской власти,—это они, как и буржуазные партии, отлично понимали.

После подписания Брестского договора левые эсеры вышли из состава правительства и повели с ним систематическую борьбу. Они стали громить каждый шаг советской власти. Этот крутой поворот имеет свои корни в положении зажиточной части деревни. Под влиянием развернувшейся аграрной и продовольственной политики советской власти, зажиточное крестьянство бросилось в объятия контрреволюции. Левые эсеры и выступили в качестве вождей контрреволюционной верхушки деревни.

В то время как «левые коммунисты», после подписания Брестского мира, под влиянием фактов все больше отходили от своей ошибочной точки зрения, левые эсеры, наоборот, все больше неистовствовали. Они приступили к прямой подготовке восстания против диктатуры пролетариата, приурочив это вооруженное выступление к моменту работ V Съезда советов. После ряда провокационных выступлений их лидеров на самом съезде они покинули зал заседаний и пытались в Москве поднять мятеж. Убив германского посла, они захватили почту и телеграф и несколько виднейших большевиков—работников советской власти. Авантюра левых эсеров нигде не встретила поддержки. Организованные ими

вооруженные отряды без особого труда были разоружены. Сама партия левых эсеров сейчас же после ликвидации авантюры распалась.

Интервенция союзников.

Вся эта левоэсеровская авантюра стоит в теснейшей связи с политикой активного вмешательства Антанты в дела Советской России. Уже весной 1918 г., под предлогом борьбы с Германией, усилиями союзников был создан внутри России противобольшевистский гражданский фронт. Большую услугу в этом черном деле оказали союзническому империализму так называемые «социалисты-революционеры» (эсеры). Вожди этой «партии» весной 1918 г. заключили договор с французской и английской миссией с обязательством поднять восстание против власти советов. Первоначально английским дессантом были заняты Мурман и Архангельск. Так как большого количества войск союзники все же не смогли тогда выставить, им нужно было отыскать внутри России вооруженную силу, на которую они могли бы опереться в своей борьбе, как они говорили, за восстановление противогерманского Восточного фронта. Эта сила была найдена в лице чехо-словацкого корпуса. Организованный еще при Керенском летом 1917 г. из австрийских военнопленных, корпус этот по соглашению с советским правительством подлежал эвакуации через Сибирь на Западный фронт. Растянувшись по обширной сибирской жел.-дор. магистрали, чехо-словаки, по распоряжению союзнических штабов, пошли на войну с Советской Россией. В руках Антанты, таким образом, оказалась вся жел.-дор. артерия, по которой должны были двигаться американские и японские войска. В то же время эсеры объявили в Самаре так называемый «Комитет членов Учредительного собрания», который должен был соз-

дать видимость «демократической власти», насаждаемой штыками чехо-словацких и других союзнических войск.

Летом 1918 г. им удалось захватить Урал и Поволжье вплоть до Казани. Немало способствовали их успехам взрывы складов и арсеналов, восстания кулачества, мятеж в г. Ярославле, левоэсеровское июльское выступление в Москве, измена командующего фронтом, левого эсера Муравьева, открывшего чехо-словацкий фронт, террористические акты, организованные на средства и по заданиям союзников.

Как Брестский мир превратился в клочок бумаги.

Конечно, все эти события на некоторое время лишили нас возможности продолжать дело переустройства страны на социалистических началах с таким же темпом, как оно было начато сейчас же после Брестского мира. Но если мирное социалистическое строительство было замедлено летом 1918 г., когда страна была превращена в военный лагерь, со всех сторон окруженный врагами,—то за это время уже успела вырасти могущественная рабоче-крестьянская Красная армия. К концу лета того же года она рядом блестящих побед доказала, какую огромную силу таит в себе революционная армия рабочих и крестьян, отстаивающая советскую власть от посягательств капиталистов и помещиков.

Между тем общее наступление, предпринятое немцами на Западном фронте, закончилось сокрушительным контрнаступлением союзнических армий. Начались непрерывные отступления немецких армий. Впервые обнаружилось здесь, что немецкие солдаты больше воевать не будут. «Наши солдаты сдавались отдельным неприятельским всадникам, сомкнутые части складывали оружие перед танком. Одной свежей дивизии, которая храбро шла в атаку, отступающие войска кричали:

«Штрейкбрехеры!» и «Виновники продолжения войны!». Эти слова повторялись и впоследствии. Во многих частях офицеры уже не имели никакого влияния и плыли по течению»[1]. Так описывает эти события «сам» Людендорф. Итак, сильнейшие поражения на Западном фронте в соединении с событиями в Советской России раскачали солдатскую массу. Революция надвигалась. Союзники Германии капитулировали: четверной союз распался.

Разбитая в военном отношении, изолированная в международно-политическом отношении, поставленная перед лицом явно нарастающей революции, правящая Германия, прежде чем капитулировать, повела «активную политику» на Востоке, т. е. по отношению к Советской России. Активность этой политики предполагала борьбу с революцией, борьбу с «большевизмом» как «международной опасностью». В основе этой политики лежало стремление правящих кругов ценою борьбы с большевизмом, в качестве активного агента мирового империализма, купить себе благосклонность Антанты и тем самым повлиять на исход предстоящих мирных переговоров.

Близившийся разгром германо-австрийского империализма, а также явно и быстро нарастающие революционные события на Западе ставили Советскую республику в особо ответственное положение. Уже 4 октября на объдиненном заседании ВЦИК,а, Московского совета и профессиональных организаций по заслушании доклада о текущих событиях были приняты весьма важные решения.

«...И сейчас,—говорится в резолюции,—связывая судьбу Украины, Польши, Литвы, Прибалтики и Финляндии с судьбой пролетарской революции, мы отметаем

---

[1] **Людендорф, Мои воспоминания о войне, стр. 241.**

всякую мысль о каком бы то ни было сближении с империализмом согласия (т. е. Антанты. *И. В.*) в целях изменения Брест-литовского договора. Цепи, какие несут народам англо-американские и японо-американские хищники, ничем не лучше австро-германских цепей». Отмечая далее необходимость усилить борьбу против вторжения в наши пределы бандитов Антанты, резолюция предлагает в то же время готовить деятельную военную и продовольственную помощь рабочему классу Германии и Австро-Венгрии» [1].

Чем хуже становилось положение правящей Германии, тем все более обострялось ее отношение к Советской России. Наконец 5 ноября германское правительство прервало дипломатические отношения с Советской республикой. В пользу разрыва достаточно потрудились германские социал-демократы с Шейдеманом и Эбертом во главе. Это они в первые дни разразившейся революции настаивали перед немецкими генералами на том, чтобы установить строгую слежку за русским посольством. Это вождь социал-демократов Шейдеман был инициатором вскрытия чемодана советского курьера на Шлезвигском вокзале, он же предложил прекратить поставку угля Советской России!..

Но революция в Германии разрасталась. Народные массы забирали свою судьбу в собственные руки. 9 ноября империя рухнула. Через два дня между Антантой и Германией было подписано перемирие. А 13 ноября специально принятым декретом, ВЦИК объявил Брестский мир уничтоженным.

---

[1] V созыв ВЦИК'а, стеногр. отчет, протокол № 6.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

УРОКИ БРЕСТСКОГО МИРА.

Тактика «передышки», которая проводилась партией большевиков и советами под руководством В. И. Ленина, оправдала себя полностью. Что заключение Брестского мира было единственно **правильной** политикой страны диктатуры пролетариата, в этом никто уже ныне не сомневается. Виднейшие представители «левого коммунизма» тотчас же после ноябрьской революции в Германии открыто признали свою ошибку. Даже заклятые враги пролетариата—и те давно признали в Брестском мире «победу большевизма». Наиболее оголтелые представители германского империализма, как Гельферих, Людендорф, до сих пор считают непростительной для Германии ошибкой политику переговоров и мира с Советской Россией, отказ от интервенции и подавления революции.

Историческое значение Брестского мира достаточно выяснено. Вкратце оно может быть формулировано следующими словами Ленина: «Брестский мир был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма» [1]. Усиление диктатуры пролетариата выразилось в том, что: 1) мы ускорили процесс разложения империалистических армий германской коа-

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 355.

лиции; 2) нам удалось укрепить союз с трудовым крестьянством; 3) получена была возможность организовать, обучить, снарядить и вооружить революционную Красную армию для защиты социалистической республики от международного империализма; 4) оказалось возможным приступить к реорганизации хозяйства на социалистических началах.

И с этой точки зрения Брестский мир войдет в историю мировой социалистической революции как блестящий образец маневрирования пролетарского государства, окруженного империалистическими гигантами.

Помимо всего этого Брестский мир и связанная с ним внутрипартийная борьба дают чрезвычайно обильный, яркий и убедительный материал для преодоления столь часто встречающихся в мировом рабочем движении проявлений детской болезни левизны.

В этом отношении Брестский мир дает исключительно ценный урок по вопросу о компромиссах. Есть компромиссы и компромиссы. Одни обязательны, другие недопустимы. Подписание Брестского мира Ленин сравнивает с положением человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы облегчить дело поимки и расстрела бандитов. Это компромисс обязательный. Но бывает так, что человек дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи. Это—компромисс недопустимый. Такого рода компромиссы заключали меньшевики и эсеры в России и заключают социал-предатели во всех странах по сей день—компромиссы с бандитами своей собственной буржуазии против революционного пролетариата своей страны. Такие компромиссы есть не что иное, как соучастие в бандитизме [1].

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVII, ст. 129.

Но, конечно, надо уметь анализировать, разбираться в конкретных условиях каждого из таких компромиссов. Мы уже видели, что «левые коммунисты» безнадежно путали именно потому, что они не сумели с достаточной ясностью проанализировать такие важнейшие моменты конкретной действительности, как: 1) соотношение классовых сил в стране; 2) использование противоречий в лагере империалистов; 3) условия материальной осуществимости немедленной революционной войны.

К числу важнейших уроков Брестского мира нужно также отнести уменье отличить главную задачу от подчиненной, уменье итти на величайшие национальные жертвы, «если это полезно развитию интернациональной рабочей революции» [1]. Или самоопределение Украины, Польши, Финляндии и пр., или немедленная революционная война с империализмом,—так, в сущности, ставился «левыми» вопрос. «Что выше,—допрашивал Ленин по этому поводу «левых» товарищей,—право наций на самоопределение или социализм?» Конечно, социализм выше. Поэтому заведомо отдавать на съедение Советскую социалистическую республику из-за нарушения права наций на самоопределение — непозволительно. В итоге—Украина пострадала, но интернациональная, социалистическая революция выиграла!

Этот вопрос непосредственно связан с другим положением, обязательным для тактики революционной партии пролетариата. Положение это Ленин формулирует таким образом: «Только целесообразное сопротивление реакции служит революции» [2]. В период брест-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 428. Подчеркнуто нами.
[2] Там же, т. XV, О революционной фразе. стр. 104.

ских переговоров мы еще не были готовы к революционной войне,—надо было уметь выждать, собирая силы.

Всякая иная тактика, строящаяся на чем угодно, только не на основе революционной целесообразности, не на основе подчинения второстепенной задачи основной, не на основе строгого учета классовых сил и материальных возможностей,—такая тактика, как правило, щеголяет *левой фразой*. Эта левая фраза выдает всю мелкобуржуазность носителей этой идеологии и ее тактики. Эта левая фраза препятствует развитию классового самосознания в отсталых пролетарских массах. Борьба с левой фразой, разоблачение ее до конца—вот еще один урок, преподносимый историей Брестского мира.

Ныне, на одиннадцатом году диктатуры пролетариата, мы стоим еще лицом к лицу с мировым империализмом. Конечно, наши силы готовы к отпору врага, но, покуда мы еще остаемся в империалистическом окружении, мы будем стараться не принимать боя с гигантами империализма, мы будем стараться уклониться от боя.

Если же империалисты пойдут на нас войной,—что рано или поздно неминуемо,—то весь трудовой народ Союза советских республик совместно с закаленной в боях революционной войны Красной армией стальной лавиной двинется против обреченного на слом империалистического мира.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ДЕКРЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ.

Об аннулировании Брестского договора.

Всем народам России, населению всех оккупированных областей и земель.

Всероссийский центральный исполнительный комитет советов всем торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-литовский договор (равно и дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное Всероссийским центральным исполнительным комитетом 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территории и областей, объявляются недействительными.

Последним актом правительства Вильгельма, вынудившего этот насильнический мир в целях ослабления и постепенного ухудшения Российской социалистической федеративной советской республики и ничем не ограниченной эксплотации окружающих республику народов, была высылка советского посольства из Берлина за его деятельность, направленную к ниспровержению буржуазно-императорского режима в Германии. Первым актом восставших рабочих и солдат в Германии, низвергнувших императорский режим, был призыв посольства Советской республики.

Брест-литовский мир насилия и грабежа пал, таким образом, под соединенным ударом германских и русских пролетариев-революционеров.

Трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа, освобожденные германской революцией от гнета грабительского договора, продиктованного

германской военщиной, призваны ныне сами решать свою судьбу. На место империалистического мира должен прийти социалистический мир, заключенный освободившимися от гнета империалистов трудящимися массами народов России, Германии и Австро-Венгрии. Российская социалистическая федеративная советская республика предлагает братским народам Германии и бывшей Австро-Венгрии, в лице их советов рабочих и солдатских депутатов, немедленно приступить к урегулированию вопросов, связанных с уничтожением Брестского договора. В основу истинного мира народов могут лечь только те принципы, которые соответствуют братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией и отстаивались русской делегацией в Бресте, Все оккупированные области России будут очищены. Право на самоопределение в полной мере будет признано за трудящимися нациями всех народов. Все убытки будут возложены на истинных виновников войны—на буржуазные классы.

Революционные солдаты Германии и Австрии, создающие ныне в оккупированных областях солдатские советы депутатов, вступив в связь с местными рабочими и крестьянскими советами, будут сотрудниками и союзниками трудящихся в осуществлении этих задач.

Братским союзом с крестьянами и рабочими России они искупят раны, нанесенные населению оккупированных областей германскими и австрийскими генералами, охранявшими интересы контрреволюции.

Построенные на этих основах международные отношения России, Германии и Австро-Венгрии будут не только мирными отношениями. Это будет союз трудящихся масс всех наций, в их борьбе за создание и укрепление социалистического строя на развалинах строя милитаризма и экономического рабства. Этот союз трудящиеся массы России, в лице советского правительства, предлагают народам Германии и Австро-Венгрии. Они надеются, что к этому могущественному союзу освободившихся народов России, Польши, Финляндии, Украины, Литвы, Прибалтики, Крыма, Кавказа, Германии и Австро-Венгрии примкнут народы всех остальных стран, еще не сбросивших иго империализма. Впредь же до этого момента этот союз народов будет сопротивляться всякой попытке навязать народам капиталистический гнет чужеземной буржуазии. Освобожденные германской революцией от ига германского империализма народы России тем менее согласятся подчиниться игу империализма англо-американского или японского.

Правительство советской республики предложило всем державам, ведущими с ним войну, мирное соглашение. Впредь же до того мо-

мента, когда трудящиеся массы этих держав заставят свои правительства принять мир с рабочими, крестьянами и солдатами России, правительство республики будет, опираясь ныне на революционные силы всей средней и восточной Европы, сопротивляться попыткам вновь вернуть Россию под иго рабства чужеземному и туземному капиталу. Приветствуя население всех областей, освобожденных от ига германского империализма, Российская социалистическая федеративная советская республика зовет трудящиеся массы этих областей к братскому союзу с рабочими и крестьянами России и обещает им полную, до конца идущую поддержку в их борьбе за установление на их землях социалистической власти рабочих и крестьян.

Насильнический мир в Брест-Литовске уничтожен. Да здравствует истинный мир и мировой союз трудящихся всех стран и наций!

Подписали: Председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета советов Я. Свердлов.

Секретарь Всероссийского центрального исполнительного комитета советов В. Аванесов.

13 ноября 1918 г. (Собр. узак. 1918 г. № 95, ст. 947).

БИБЛИОГРАФИЯ.

В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. I и II; XV.

Протоколы ЦК партии б-ков 1917—1918 гг. Подготовляются Истпартом к печати.

М. Н. Покровский, Внешняя политика России в XX веке.

" " Октябрьская революция и Антанта („Пролет. револ.“, 1927 г., № 10).

М. Н. Покровский, Историческое значение Октябрьской революции („Комм. рев.“, 1927 г., № 20.)

М. Н. Покровский, Большевики и фронт в октябре — ноябре 1917 г. („Красная новь“, 1927, книга 11).

Вл. Сорин. Партия и оппозиция, ч. I.

И. Минц и Д. К., Брестский мир (Статья в Большой сов. энциклопедии, т. VII).

Г. Сокольников, Брестский мир.

Л. Каменев, Борьба за мир 1918 г.

Антонов-Овсеенко, Записки о гражданской войне.

Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. I, изд. НКИД, 1920.

Брест-Литовская конференция. Заседания эконом. и правовой комиссий. М., НКИД, 1923.

Протоколы VII Съезда РКП (б).

Протоколы заседаний ВЦИК'а II созыва; III; IV; V созыва.

Стенографический отчет III Съезда советов; IV, чрезв., Съезда советов; V Съезда советов.

Б. Е. Штейн, Торговая политика и торговые договоры Советской России.

А. Ерусалимский, Брестский мир и крушение Германской империи („Мировое хозяйство и мировая политика“, 1927, № 10—11).

Эрде, Революция на Украине.

П. Фрелих, Революция 1917 г. в Германии („Историк-марксист“, т. VI).

Людендорф, Мои воспоминания о войне.

Гофман, Война упущенных возможностей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава I. Империалистическая война и революционный выход из нее России 3
Глава II. Первые мирные шаги Советской власти 10
Глава III. Германская коалиция и Антанта в вопросе о мире. 15
Глава IV. Переговоры о перемирии и мире 23
Глава V. Развитие внутрипартийной борьбы по вопросу о мире 36
Глава VI. Сущность споров в партии 48
Глава VII. Содержание мирного договора 63
Глава VIII. От подписания Брестского договора до аннулирования его 67
Глава IX. Уроки Брестского мира 76
Приложение 80
Библиография 83

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Р. ЭЙДЕМАН и В. МЕЛИКОВ

АРМИЯ В 1917 ГОДУ

Со вступ. статьей О. А. Варенцовой „Старая армия и контрреволюция“.

(ИСТПАРТ)

Стр. 107. Ц. 35 к.

Армия накануне революции. Начало распада. Дезертирство и бунты. Участие армии в февральской революции. Разоружение армии и ее большевизация. Контрреволюционное офицерство. От июля до Октября. Корниловское движение. Армия и Октябрьский переворот. Окончательный распад.

Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

КРОНШТАДТ И ПИТЕР В 1917 ГОДУ

(ИСТПАРТ)

Стр. 280. Ц. 2 р.

Содержание: Февральская революция. Революционный Кронштадт. Работа в Кронштадте. Апрельские дни. Кронштадтская республика. Вокруг финского побережья. Июльские дни. Накануне Октябрьской революции. Октябрьская революция.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИН И БРЕСТСКИЙ МИР

Статьи и речи В. Ленина в 1918 г. о Брестском мире. С вводной статьей и примечаниями Н. Овсянникова.

Стр. 118 Изд. 2-е. Ц. 40 к.

СЕДЬМОЙ СЪЕЗД
РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
6—8 марта 1918 г.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
(ИСТПАРТ)

Стр. 212. Распродано Ц. 1 р.

ПЕЧ. НОВОЕ ИЗДАНИЕ

VII партсъезд, происходивший в невероятно тяжелых условиях, был созван для окончательного решения вопроса о Брестском мире. Советская власть висела на волоске. Германские войска, остановившиеся на территории Белоруссии и на подступах к Петрограду, продолжали быстро наступать на территорию Украины. Все контрреволюционные силы подняли голову. Разруха не ослабевала. Страна была совершенно беззащитна. При таких условиях VII партийному съезду пришлось решить вопрос, принимать или не принимать условия Брестского мира, которые правительством были уже приняты. (См. Н. Попов, Очерк истории ВКП).

В. И. ЛЕНИН

АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ
(ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА)

Стр. 187. Ц. 35 к.

Содержание: 1. Всеобщее вооружение народа. 2. Воинская повинность в прежнее время. 3. Уроки революции 1905—1906 годов. 4. От Февраля к Октябрю. 5. Октябрьская революция и демобилизация старой армии. 6. Брестский мир и создание Красной армии. 7. Гражданская война. Война с Польшей. Попытки вооруженного вмешательства иностранных держав.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ В 1917 ГОДУ
(Материалы и документы)
Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным
С предисловием Я. А. Яковлева
(Центроархив)
Стр. 192 + карта Ц. 75 к.

Т. Н. ЧЕМОДАНОВ
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАРОЙ АРМИИ
Стр. 136 Ц. 1 р.

АН. АНИШЕВ
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917—1920 гг.
Стр. 288 Ц. 1 р.

ЕВГЕНИЯ БОШ
ГОД БОРЬБЫ
В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ НА УКРАИНЕ С АПРЕЛЯ 1917 Г. ДО НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ
(Истпарт)
Стр. 271 Ц. 1 р. 80 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1928 ГОД НА ЖУРНАЛ

„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ"

Ежемесячный орган Истпарта ЦК ВКП(б)

Журнал „Пролетарская революция" посвящен истории Октябрьской революции и ВКП(б), истории революционного движения в России, работе партийного подполья, интервенции, гражданской войне и борьбе с контрреволюцией. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей, а также воспоминаний активных участников. Журнал „Пролетарская революция" публикует также документы из истории большевистских партийных организаций. Большое внимание журнал уделяет и вопросам библиографии, помещая критические обзоры литературы по отдельным вопросам революционного движения и истории партии и рецензии на отдельные издания.

К сотрудничеству в журнале привлечены лучшие партийные и научные работники.

Журнал, являясь органом научной партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП(б) в марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов историков-марксистов, рассчитан на широкие кадры партийных пропагандистов, работников клубов, школьных работников, слушателей вузов и комвузов и т. д.

Ответственный редактор М. САВЕЛЬЕВ. Заместитель ответственного редактора П. ГОРИН.

Подписная цена на журнал с приложениями — 17 руб.

Приложения для годовых подписчиков:

1. ШЕСТОЙ СЪЕЗД. 8—16 августа (26 июля—3 августа) 1917 г. Под редакцией А. С. Бубнова, А. М. Essentially Кактыня, Г. И. Ломова. С предисловием А. С. Бубнова. Подготовила к печати С. А. Пашуканис. С приложением именного и предметного указателей, стр. 400, ц. 2 р.
2. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Том I и II. Работы исторического семинария Института красной профессуры. Под общей редакцией М. Н. Покровского. Т. I, стр. 518, ц. 4 руб. Т. II, стр. 452, ц. 3 р. 50 к.

Книги высылаются со скидкой 50% наложенным платежом. Пересылка за счет подписчика.

Кроме того, подписчики „Пролет. рев." могут получить в магазинах Госиздата по спискам, печатаемым в журнале, скидку 50% на литературу Истпарта в изд. Гиза и изд. „Прибой" на 25 р. (для год. под.) и 15 р. (для полугод. подписч.).

Пересылка за счет подписчика.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журнал без приложений:
на год—12 р., на 6 мес.—6 р. 60 к., на 3 мес.—3 р. 60 к.
Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата. Москва, центр, Рождественка 4, тел. 4-87-19, в отделениях, магазинах и киосках Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах.

СОРОК КОПЕЕК

